

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2016 №1

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА	2
Тирских М. Г. Научное творчество студента как составляющая учебного процесса	4
Аникеева М. В. Родительские права и обязанности лиц, осужденных к лишению свободы в Российской Федерации: проблемы реализации	8
Анисимов И. В. Сравнительный анализ правового статуса военных священников в России и на Украине	12
Белоусова К. А. Рецепция как форма взаимодействия основных правовых систем	17
Березина Е. В. Актуальные вопросы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов органами государственной власти	22
Дружинин Г. В. Правовая природа фидуциарных отношений	26
Макушев Д. И. К вопросу о понятии, структуре и состоянии компьютерной преступности в России	30
Нелюбина А. В. Заключение договора с участием потребителя в интернет-пространстве	34
Оглобина Е. Д. Проблемы производства дознания в сокращенной форме	37
Сафарбаков В. А. Проблема определения бенефициаров юридического лица по законодательству России	42
Чигринский Н. С. Корпоративные отношения в гражданском праве России	46
АКТУАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ Дискуссионный клуб Юридического института ИГУ	49

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный редактор

М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

А. В. Кожевникова (г. Иркутск)

Редакционный совет:

К. С. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. А. Смирнов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются*

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую читателей, авторов и коллектив редакции журнала «ExLegis: правовые исследования»!

Перед вами первый номер электронного научного юридического журнала, созданного для того, чтобы дать возможность молодым ученым, делающим первые шаги на научном поприще, найти свою аудиторию, представить собственные научные исследования, начать диалог с другими учеными.

Юридические журналы всегда были площадками, на которых представлялись научной общественности новые, зачастую революционные идеи как в области теоретических познаний о государстве и праве, так и в отдельных сферах отраслевых юридических наук. Именно на страницах журналов появлялись предложения по совершенствованию законодательства, развитию правоприменительной практики, формировалась правовая политика, идеология и культура, окончательно оформлялись правовые доктрины и концепции. Именно в этом контексте научные журналы являлись и продолжают являться своеобразными локомотивами,двигающими вперед юридическую науку.

Для начинающего ученого возможность поделиться с научным сообществом собственными взглядами и достижениями на страницах периодических изданий является одновременно и своеобразным вызовом, который приходится в своей жизни бросать любому ученому, желающему достичь профессиональных высот, и одновременно стимулом для новых исследований и научного поиска.

Опубликование статьи молодым исследователем в серьезном научном журнале имеет несколько значений, каждое из которых необходимо для становления настоящего ученого.

Во-первых, публикация в научном журнале – это проба творческих сил автора. Статья, являющаяся результатом кропотливых исследований, покидает ограниченное пространство учебных аудиторий, залов вузовских научных конференций и библиотек, а затем оправляется в большой мир, где, безусловно, станет объектом внимания многих ученых и, вероятно, вернется к автору в форме научной дискуссии и даже острой критики уже в работах других исследователей, а может быть, и благодарной ссылкой. В любом случае такая научная статья требует от молодого ученого и исследовательского таланта, и навыков подготовки научного текста, и способности одновременно и критично, но и уважительно вести диалог с другими исследователями. А это значит, что от молодого исследователя требуется продемонстрировать научную зрелость, способность быть самостоятельным, ответственным и целеустремленным ученым.

Во-вторых, любая публикация в журналах является формой научного общения с неограниченно широким кругом людей, интересующихся проблематикой, над которой работает исследователь. В этой связи его методология, гипотезы, научный инструментарий и, наконец, аргументированные, подтвержденные фактическими данными научные теории являются не только актуальными и обладающими научной новизной, но и нужными для дальнейшего развития собственных исследований. В данном случае статья, опубликованная в научном журнале, может стать фундаментом плодотворного научного общения, а возможно, приведет к созданию творческих коллективов, расширяющих горизонты научной юридической мысли.

В-третьих, научная публикация в периодическом издании является своеобразным маркером, который демонстрирует молодому ученому оправданность его притязаний в выбранной профессиональной сфере.

Выражаю искреннюю надежду, что представленные в журнал статьи станут трамплином для начинающих ученых, дадут им возможность со студенческой скамьи ощутить аромат научного поиска и понять, какое место юридическая наука будет занимать в их жизни и какое место в науке смогут занять они сами. Это понимание позволит молодому ученому сделать правильный выбор и дальше уверенно продвигаться по непроторенным дорогам научного творчества.

Твердо убежден в том, что журнал станет популярным как у авторов, стремящихся опубликовать результаты своих научных изысканий, так и у читателей, ищущих новые научные подходы к решению актуальных задач, стоящих перед российской и мировой юридической мыслью. Выражаю уверенность, что он займет достойное место среди других научных журналов, будет расширять географию авторов и тематику научных исследований, станет полноценным членом семьи российских юридических изданий.

Желаю авторам, работы которых увидят свет на страницах журнала, не останавливаться на достигнутом и в будущем покорять новые высоты профессионального мастерства и всегда помнить, что их серьезный творческий путь исследователей начался на страницах журнала «ExLegis: правовые исследования»!

*Директор Юридического института ИГУ
О. П. Личичан*

Научное творчество студента как составляющая учебного процесса

© Тирских М. Г., 2016

М. Г. Тирских

кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: tirskm@mail.ru

Аннотация. Одной из проблем подготовки специалиста, способного гармонично осуществлять юридическую практическую деятельность, является формирование у студента умения самостоятельного исследования актуальных проблем. Обеспечить должный исследовательский навык может исключительно приобретение опыта научного исследования, без которого невозможно представить высшую школу. В статье даются рекомендации по осуществлению учебного процесса, нацеленного на формирование навыков квалифицированного специалиста в сфере практической юриспруденции.

Ключевые слова: научная деятельность, студент, бакалавр, магистр, юриспруденция.

В настоящее время наблюдается крайне негативное восприятие специалиста в сфере практической юриспруденции как своеобразного «автомата» по подготовке юридических документов, реализации функций представления интересов клиента в судах и иных правоприменительных органах и выполнению иных юридических работ. Это представление основывается на идее шаблонного восприятия юридической деятельности. Восприятия, связанного с мнением о достаточности в рамках реализации функций юриста выбора верного алгоритма заранее представленных форм реагирования на возникшую ситуацию для ее разрешения. Такой подход, возможно приемлемый для единичных случаев стереотипных повторяющихся ситуаций, становится совершенно нетерпимым в случае каких-либо специфических ситуаций, требующих нестандартных подходов и тем более высказывания мнения, основанного на сложных правовых конструкциях, как аналогия права и аналогия закона, сопряжение действия норм публичного и частного права, обратная сила и переживание закона.

В такой ситуации умение пользоваться стереотипным набором инструментов, не подкрепленное навыками анализа, формирования и отстаивания собственной позиции за рамками существующих формальных аспектов, становится не только бесполезным, но и крайне вредным навыком. Такое умение фактически ограничивает пределы возможного поиска специалистом решения. Ключ к преодолению такой проблемы лежит в процессе подготовки специалиста, который должен сочетать как выработку способности использовать имеющиеся правовые алгоритмы (стереотипные модели), так и возможность генерировать обоснованные, аргументированные и практически значимые правовые конструкции в сфере как правотворчества, так и правоприменения.

Это может быть реализовано через выполнение творческих заданий, отработку ролевых игр с верифицируемыми заданиями, проведение коллоквиумов, направленных на коллективное обсуждение проблематики и поиск правильных, а иногда и нестандартных решений обсуждаемых ситуаций.

Одной из форм учебного процесса, позволяющей студенту приобрести навыки генерирования новых знаний и умений, является научное творчество. Оно позволяет развивать в студенте способности к логичному последовательному рассуждению, формированию теоретических конструкций, опирающихся в том числе и на практические знания, обобщению материала, полученного из доступных источников, генерации новых научных сентенций, выводов, заключений. При этом данная форма учебного процесса дает возможность объединить два важнейших условия. С одной стороны, глубокую проработку как теоретического, так и эмпирического материала в рамках научного исследования при одновременной постановке разноплановых задач, имеющих важное значение для развития науки. С другой, публичный характер исследования. Именно публичность научной деятельности позволяет осуществлять эффективный обмен научной информацией между специалистами. Реализация данного условия осуществляется благодаря публичной защите квалификационных работ, оглашению тезисов конференций и т. д.

Таким образом, научная деятельность студентов служит как целям приобретения глубоких системных знаний по изучаемому вопросу, так и тренировке навыков публичного отстаивания своей научной позиции, заявленной в научной работе. Последнее имеет наиболее важное значение с учетом того, что зачастую работа юриста представляет собой именно публичное отстаивание позиции. Гласный характер судопроизводства

ва в судах общей юрисдикции, наличие судов присяжных делают публичное представление своих суждений и идей не только важным, но и жизненно необходимым для любого специалиста в области юриспруденции.

Публичный характер защиты выпускной квалификационной работы с представлением доклада об основных результатах работы, привлечением рецензента, который обязательно знакомится с текстом работы и вступает в дискуссию с автором работы, служат повышению публичности научной работы студента. Эти меры следует признать правильными. Но недостаточными в контексте понимания назначения научных работ студентов. Мы полагаем, что очень важным является сопровождение таких работ публикациями в научных изданиях (сборниках тезисов конференций, научных журналах). Кроме этого, положительным было бы публичное представление работы. Например, размещение таких работ в публичных научных библиотеках, в том числе библиотеках высшего учебного заведения, а также размещение на сайтах высших учебных заведений полнотекстовой версии выпускных квалификационных работ.

Только в этом случае научная работа студента будет иметь подлинно научный характер и станет открытой для публичной научной дискуссии.

Важным аспектом, имеющим дискуссионный характер, является природа выпускных квалификационных работ студентов. С одной стороны, главная задача таких работ – подтверждение высокой квалификации выпускника вуза, и в таком контексте работа должна носить квалификационный характер. Это требует от студента сосредоточения скорее на анализе существующих точек зрения на тот или иной вопрос рассматриваемой темы, а не генерации собственных выводов и суждений. С другой стороны, ставящаяся перед студентом научная задача имеет исследовательский характер, т. е. в результате проведенного анализа должны быть сформулированы новые знания. В таком случае указанные работы можно признать научными. Однако, к сожалению, далеко не каждая выпускная квалификационная работа становится действительно качественным научным сочинением.

Зачастую такие работы страдают компилятивностью, ненаучным характером рассуждения, деструктурированностью, алогичностью, нераскрытием базовой темы исследования. Причинами этого является отсутствие у студента познаний в области методологии научного исследования, практического опыта серьезной научной работы и реферативный характер курсовых работ, выполненных ранее. Но главной причиной такого результата является отсутствие навыка выполнения письменных научных работ. А такой навык может быть получен исключительно на практике, путем подготовки научных публикаций.

Конечно же, вопрос качества научной работы является решаемым, однако, как правило, он решается за счет упорной работы научного руководителя, чья требовательность и готовность работать совместно со студентом, помноженные на наличие у педагога опыта научных исследований, приводит к достижению должного результата. Однако, к сожалению, так происходит далеко не всегда, и зачастую преподаватели закрывают глаза на отсутствие элементов научности в изложении выпускных квалификационных работ, сосредотачиваясь на выполнении базовых квалификационных требований к работе. На наш взгляд, это неприемлемо, поскольку студент, выполнивший такую работу, не показывает способности к самостоятельной научно-исследовательской деятельности, необходимой, как уже было представлено ранее, для выработки практических решений в случае, если стереотипные (шаблонные) алгоритмы не действуют.

Научное творчество студента имеет ряд форм, предполагающих разнообразный формат изложения результата научного исследования. Наиболее распространенным (и обязательным) видом научного творчества является подготовка квалификационных работ (курсовых и дипломных). В условиях многоуровневой системы высшего образования научно-квалификационными работами являются курсовые работы, выполняемые бакалаврами и магистрантами, выпускные квалификационные работы бакалавра и магистра, а также диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Лишь в отношении к последнему виду работ предъявляется обязательное формальное требование публикации научных статей, подкрепляющих диссертацию.

При этом в Российской Федерации до настоящего времени не укоренилась практика публикации либо полного текста таких выпускных квалификационных работ (кроме кандидатской диссертации), либо хотя бы автореферата указанных работ. Таким образом публичность представления указанной работы сводится к публичному выступлению соискателя академической степени (бакалавра, магистра) и отзыва рецензента.

Предполагается, что студент должен совершать восхождение в своем научном становлении и идти от курсовых работ к выпускной квалификационной работе, постоянно повышая уровень своего мастерства. Для этого ему необходимо постепенно приобретать навык научной работы, начиная с малых научных форм, которыми являются тезисы научного доклада, представляемые на научных и научно-практических конференциях, круглых столах, симпозиумах и так далее и публикуемые в сборниках тезисов.

Между тем такая форма имеет несколько очевидных негативных контекстов и ограничений. Во-первых, тезисы формируют у студента ложное восприятие письменной научной рабо-

ты, поскольку требуют крайне сжатого изложения материала, когда на двух, максимум трех страницах текста должны содержаться базовые выводы научной работы. Это приводит к тому, что в большинстве случаев текст тезисов страдает внутренней бессистемностью, низким литературным качеством, концентрированностью на выводах в ущерб аргументации, слабостью проработки научных оснований рассматриваемой проблемы. Вследствие этого студент, даже имеющий опыт подготовки тезисов, не может сделать следующий шаг по научной лестнице, позволяющий подготавливать аргументированный, развернутый, научный по своему характеру текст.

Во-вторых, тезисы сопряжены с выступлением на конференции, которое отпугивает многих потенциальных исследователей. К сожалению, далеко не всегда преподавателю удается (особенно на младших курсах подготовки бакалавра) убедить студента в том, что участие в конференции, выступление с докладом является не просто необходимым, но обязательным этапом становления настоящего специалиста в области юриспруденции. Как правило, комплекс публичных выступлений устраняется благодаря тому, что в рамках семинарских занятий используется практика подготовки докладов на те или иные темы, практика публичных выступлений. Кроме того, такие доклады должны быть не зачитыванием по заранее подготовленному конспекту совокупности выдержек из различных источников, а собственно научным текстом с выводами, логичной аргументацией, системным раскрытием поставленного вопроса. То есть такие выступления должны быть выступлениями на микроконференциях, где студент не только представляет результаты научной работы, но и вступает в научную дискуссию со слушателями. Очевидно, что далеко не всегда в условиях действующих образовательных программ преподаватель сможет обеспечить такой формат выступлений на семинарских занятиях всех студентов. В таком случае практика докладов должна укореняться на факультативных занятиях (помимо основной учебной программы) и в научных кружках, которые опять же посещают далеко не все студенты. Еще одной формой преодоления этого страха публичных выступлений является формирование в рамках студенческого самоуправления клубов ораторского мастерства, публичных дебатов, которые могли бы компенсировать этот аспект подготовки будущего специалиста в удобном, зачастую игровом формате.

В-третьих, количество докладов на любой конференции ограничено. Вряд ли за один день заседаний можно будет выслушать более двух десятков секционных докладов. Это приводит к тому, что лишь небольшая часть студентов оказывается включена в такого рода научную деятельность. Данная практика не позволяет боль-

шинству студентов перейти на следующий уровень научного творчества и не позволяет нормально подготовиться к работе над выпускной квалификационной работой.

Справедливости ради следует признать, что любая научно-квалификационная работа по логике этого процесса должна сопровождаться представлением малых форм научного творчества студента. В связи с этим полагаем, что принципиально необходимым является установление практики обязательных публикаций результатов научных исследований в рамках квалификационных работ (курсовых, дипломных, диссертационных), в крайнем случае проведение публичной защиты таких работ, начиная с курсовой. Целесообразно было бы предположить, что для защиты курсовой работы было бы необходимо предоставление хотя бы одних тезисов, для выпускной работы бакалавра – одной научной статьи и двух тезисов (за предыдущие годы обучения) по теме исследования, для магистерской диссертации не менее двух научных статей и двух тезисов научно-практических конференций. В таком случае восхождение студента по научной лестнице было бы плавным и обоснованным.

Следующей ступенью такого восхождения является подготовка и публикация полноценной научной статьи в научном журнале. Именно подготовка статьи позволяет студенту понять, готов ли он к работе над более масштабными научными проектами, например в рамках обучения в магистратуре, а также стоит ли ему избирать научное поприще или лучше сосредоточиться на практике. Зачастую студент, подготовивший тезисы научного доклада, считает, что способен в науке если не на все, то на многое. К сожалению, это заблуждение нередко приводит к разочарованию в выбранном пути. Точно так же, как и студент, не проводивший серьезного научного исследования и не представлявший научную статью, возможно, не поймет, что наука, по меткому выражению М. Вебера, является его будущей профессией и призванием.

Увы, как правило, проблемой является собственно возможность размещения полноценной (более десяти страниц текста) научной статьи где-либо. Да, в настоящее время существует множество изданий, предлагающих публикации за деньги и не ограничивающие автора в объеме научного изложения. Однако вряд ли студент добровольно пожелает платить за публикацию в весьма сомнительных изданиях, не предъявляющих порой никаких требований к качеству научных статей.

В связи с этим вопрос о создании научного журнала, в котором могли бы издаваться полноценные научные работы студентов, является не просто актуальным, но и перезревшим. Полагаем, появление данного журнала может обеспечить тот самый шаг, который должен сделать

каждый студент, желающий продвигаться в юридической науке.

Еще одной проблемой, возникающей в рамках восприятия студенческого научного творчества, является представление о том, что студент не способен на серьезную научную работу.

Такое предположение следует отметить сразу же. Конечно, наука элитарна. Крупицы научного знания, которым прирастает наука, даются далеко не всякому, однако зачастую именно студент способен предложить что-либо совершенно новое благодаря тому, что он еще не пребывает в тисках «вечных» ограничений, когда-либо уста-

новленных корифеями науки. В конце концов, кому, как не студенту, подвергать заслуженному сомнению любые научные сентенции? Нам прекрасно известны работы студентов, которые имеют прекрасную цитируемость, на которые ссылаются маститые ученые. А если вспомнить, что такие известные ученые, как Б. Спиноза, Н. Виннер и многие другие, подготовили свои первые научные сочинения задолго до совершеннолетия? Это дает основание утверждать, что дорога в науку открыта молодому исследователю и начинать ее нужно со студенческой скамьи.

M. G. Tirskikh

Ph. D., Professor of Department of International Law and Comparative,
Law Institute, Irkutsk State University

The Scientific Work of the Student as Part of the Learning Process

Abstract. One problem with training professionals able to carry out legal harmoniously practical activity, is the formation of students' skills of independent research of actual problems. Ensure proper research skills can only acquire the skill of scientific research, without which it is impossible to imagine high school. This article provides recommendations for the implementation of the educational process, aimed at the formation of a qualified professional skills in the field of practical jurisprudence.

Keywords: science, student, bachelor, master, law.

Родительские права и обязанности лиц, осужденных к лишению свободы в Российской Федерации: проблемы реализации

© Аникеева М. В., 2016

М. В. Аникеева

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: mari.anikeeva.93@mail.ru

Научный руководитель:

М. Н. Садовникова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: uventa2001@mail.ru

Аннотация. Поднимаются проблемы реализации родительских прав и обязанностей лиц, осужденных к лишению свободы, анализируются способы участия родителей-осужденных в воспитании детей, исследуется возможность реализации алиментных обязательств осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: родительские права, осужденные к лишению свободы, алиментные обязательства, дома ребенка.

В настоящее время среди десятков видов правоотношений наиболее значимыми и естественными для общества и государства являются родительские. В рамках нашей статьи под родительскими правоотношениями мы будем подразумевать отношения родителей (отец, мать) с их несовершеннолетним ребенком (детьми), не рассматривая отношения родителей между собой и другими членами семьи. Данные правоотношения возникают у родителей с момента рождения ребенка, а также в случае устройства детей, оставшихся без попечения родителей, т. е. при усыновлении, удочерении, со дня вступления в законную силу решения суда об установлении усыновления ребенка.

В связи с положениями семейного законодательства РФ родители, не лишённые родительских прав, имеют право и обязаны воспитывать детей. В свою очередь лишение родительских прав, так же как и их ограничение, не освобождает родителей от обязанности содержать своего ребенка. Вопрос осуществления родительских прав лицами, осужденными к лишению свободы, выглядит неоднозначно в силу ряда факторов: эффективность и целесообразность общения, способы реализации родительских прав, возможность совместного проживания ребенка с родителями, степень участия в воспитании несовершеннолетнего ребенка до заключения и проч.

Мы убеждены, что только родители, исключая осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, могут дать необходимые ребенку тепло и заботу, обеспечить его надлежащую защиту, способствовать его нормальному развитию. Несомненно, мы не берем в расчет случаи,

когда такое воспитание наносит вред ребенку. Интересы несовершеннолетнего всегда должны выдвигаться на первый план.

Роль семьи в условиях изоляции от общества не теряет своего значения, а способствует достижению целей уголовного законодательства – исправлению осужденного. По состоянию на 1 сентября 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 645 350 человек, из них 51 582 женщины. При женских колониях имеются 13 домов ребенка, в которых проживает 623 ребенка [1]. Дома ребенка – это специализированные помещения при исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей. В таких домах могут быть размещены дети до трех лет. У матерей есть возможность общаться с ними в свободное от работы время без ограничения. Также может быть разрешено совместное проживание с детьми. Если ребенку исполнилось три года и до конца срока матери осталось не более года, то администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания. Полагаем, необходимо увеличить срок нахождения ребенка с матерью в случае отбывания длительного срока лишения свободы до достижения ребенком возраста шести лет. О необходимости лишения родительских прав при более длительных сроках мы скажем ниже. Также нами усматривается дискриминация по гендерному признаку. По мнению законодателя, дома ребенка для родителя-отца – это излишество. С этой позицией мы солидарны: создавать дома ребенка в отношении мужского населения пенитенциарной системы нецелесообразно, примерных отцов-одиночек – единицы

на всю Россию, а вот желающих злоупотребить таким положением много. Выход из сложившейся ситуации видится в поиске подходящей приемной семьи, которая удовлетворяла бы не только требованиям закона, но и пожеланиям родителя-отца.

Отметим, что в целом отношение к материнству в местах лишения свободы выглядит неоднозначно. С одной стороны, нельзя допустить злоупотребления со стороны женского населения уголовно-исправительной системы, с другой, материнство способствует исправлению осужденной женщины. Так, неблагоприятными последствиями являются случаи, когда женщина решается на рождение ребенка в местах лишения свободы в целях улучшения питания, бытовых условий, сокращения срока отбывания наказания, а после освобождения вовсе отказывается от ребенка. С нашей точки зрения, к каждому случаю необходимо подходить индивидуально: учитывать личные качества осужденной, ее поведение, возраст, уровень образования, наличие несовершеннолетних детей, семейное положение, наличие родственников или иных близких лиц, согласных взять ребенка на воспитание по достижении им возраста трех лет, трудоспособность, состояние здоровья, наличие вредных привычек и проч. Только после полного анализа необходимых критериев администрация учреждения обязана разрешать осужденной женщине находиться рядом со своим ребенком.

Маме ребенка предоставляется право краткосрочного выезда за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до пятнадцати суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, а осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, – один краткосрочный выезд в год для свидания с ними на тот же срок. На наш взгляд, следует разрешить краткосрочные выезды для осуществления своих родительских прав по следующим основаниям: все официальные праздничные дни, школьные каникулы, тяжелая болезнь и др. Разумеется, выезды возможны только при отсутствии претензий со стороны администрации исправительного учреждения, с учетом личности осужденной женщины, семейного положения и пр.

Проблематично выглядит картина с мужским населением пенитенциарной системы. Реализация осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, родительских прав возможна лишь в тех формах, которые определяются условиями отбывания наказания, а именно свидания осужденных со своими детьми, осуществления воспитательного воздействия посредством переписки, телефонных переговоров, а также во время выездов осужденных за пределы исправительного учреждения. При бла-

гоприятном раскладе родитель может провести с ребенком 456 часов (19 суток) в год. Время, посвященное воспитанию ребенка, минимизировано, его явно недостаточно для нормального, полноценного общения и воспитания. Кроме того, для обеспечения нормального физического, психического, духовного и нравственного развития детей важно, чтобы места общения ребенка с осужденным родителем были специально оборудованы, создавали комфорт и чувство безопасности у ребенка. Министерству юстиции следует разработать специальные правила по организации свиданий осужденных с детьми, обустройству помещений и проч. У осужденного также есть право на телефонные разговоры, однако норма в полтора часа в год (6 раз по 15 минут) нарушает право родителя на общение с ребенком. Невозможным видится и разговор с ребенком, который в силу возраста не умеет разговаривать. Несмотря на то что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей, родитель зачастую сознательно препятствует всякому контакту ребенка с осужденным родителем, не предоставляет информацию о ребенке, в силу чего второй родитель вынужден жить в неведении о жизни своего чада, что является нарушением положений семейного законодательства РФ.

Согласно Семейному кодексу РФ родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Замечательно, если дети будут находиться под опекой своих близких кровных родственников, например бабушек, дедушек, тетя и дядей, тогда последствия разлучения с родителем будут минимизированы, и контакт родителя с ребенком будет налажен. Что, если ребенок будет устроен в приемную семью на длительный срок? Если приемная семья будет препятствовать общению с ребенком? Нередки случаи, когда приемная семья добивается лишения родительских прав и усыновляет (удочеряет) ребенка.

Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на получение информации о своем ребенке из воспитательных учреждений, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций [3]. Вопросы процедуры предоставления подобной информации не раскрыты. Должен ли осужденный сам запрашивать такую информацию в учреждения или организация обязана сама проявлять инициативу, как часто можно реализовывать это право, не известно.

Интересным представляется решение вопроса об установлении отцовства в судебном порядке в отношении лица, осужденного к лишению свободы. Согласно семейному законодательству РФ, если ребенок родился от лиц в течение 300 дней с момента расторжения брака,

отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное. При нормальных условиях женщина вынашивает ребенка девять месяцев, т. е. примерно 279 дней (в зависимости от дней в месяце), а не 300, как сказано в законе. Кроме того, проблематичным видится проведение экспертизы. Исходя из ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Но ведь мать ребенка может не знать или специально не сообщить суду о факте нахождения отца ребенка в местах лишения свободы, в таком случае возможны судебные ошибки. Последствиями таких ошибок, например, могут быть незаконное получение наследства в будущем.

В случаях нахождения и ребенка, и родителей в местах лишения свободы общение представляется невозможным. Правила Организации Объединенных Наций [6], касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, позволяют несовершеннолетним осужденным общаться с их семьями (п. 59 Правил), а также иметь регулярные и частые свидания – в принципе раз в неделю и не менее раза в месяц, в условиях, учитывающих потребность несовершеннолетнего в уединении, контактах и неограниченном общении со своей семьей (п. 60 Правил). Свидания в приведенном нами примере реализовать невозможно, поскольку оба участника родительских правоотношений ограничены в свободе передвижения.

Лишение свободы как вид уголовного наказания – трудный этап не только для заключенного, но и для его детей, которые стали невольными заложниками стечения сложных жизненных обстоятельств. Занимая твердую позицию по защите прав человека, считаем, что ребенок должен поддерживать регулярный личный контакт с обоими родителями, несмотря на изоляцию родителя от общества.

Безнадежно выглядит ситуация, связанная с алиментными обязательствами осужденного родителя. Согласно ч. 1 ст. 81 Семейного кодекса РФ [3], при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей – одной трети, на трех и более детей – половины заработка и (или) иного дохода родителей. УИК РФ гласит: размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью

определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда. На 1 июля 2016 г. минимальный размер оплаты труда составляет 7500 руб. в месяц. То есть ежемесячно ребенку должна перечисляться денежная сумма в размере 1875 руб. С учетом рыночных цен этой суммы недостаточно для полноценного питания, отдыха, образования, лечения ребенка. Также из заработной платы, иного дохода осужденного вычитаются: отчисления на возмещение расходов по его содержанию, а в некоторых случаях суммы за возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью; лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца; расходы на погребение.

Кроме того, рабочих мест в исправительных учреждениях крайне мало, что делает невозможным материальное обеспечение ребенка. Согласно Постановлению Правительства РФ «О Перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» [7] удержание алиментов на содержание несовершеннолетних детей производится с пособий по временной нетрудоспособности, по безработице только по решению суда и судебному приказу о взыскании алиментов либо нотариально удостоверенному соглашению об уплате алиментов. Но лица, осужденные к лишению свободы, не могут претендовать на получение пособия по безработице. Обосновывается данный подход государственным обеспечением осужденных.

Если у осужденного есть имущество, с доходов от передачи в аренду которого также будет удерживаться определенная сумма, или заработок от занятия предпринимательской деятельностью вне исправительного учреждения через представителей – это великолепно, но, к сожалению, в большинстве случаев у осужденного нет никакой возможности финансово обеспечить детей. Единственным вкладом в воспитание является общение с ребенком путем свиданий, телефонных переговоров и переписок.

К сожалению, распространено умышленное уклонение от уплаты алиментов лиц, осужденных к лишению свободы. Так, многие отказываются работать, а иного заработка, дохода, пособия или пенсии они не имеют или тщательно скрывают. У каждого осужденного имеется свой лицевой счет, денежные средства которого можно тратить на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости.

Отметим, что есть три вида источника получения дохода, средства которого осужденный может расходовать без ограничения на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости: средства, заработанные им в пе-

риод отбывания наказания; пенсии; социальные пособия [7].

Если эти денежные поступления скрыть не удастся, то переводы осужденному могут поступать на лицевые счета других осужденных (сокамерников). Таким образом, удастся избежать алиментных обязательств. Лишать родительских прав такого осужденного тоже проблематично, ведь обстоятельства неуплаты алиментов являются уважительными (отсутствие работы, нетрудоспособность, отсутствие иного дохода).

Полагаем, в случае назначения лицу – родителю ребенка в возрасте до 4 лет наказания в виде лишения свободы сроком свыше 12 лет, в случае отсутствия иных близких родственников, согласных взять под опеку ребенка, целесообразно лишать это лицо родительских прав, дабы предоставить ребенку право найти семью (усы-

новителей). Возможно, наш подход покажется чрезмерно жестоким, однако полагаем, что интересы ребенка преобладают над интересами родителя. До тех пор, пока ребенок не помнит своих биологических родителей, высока вероятность его полноценного психического и духовного развития в нормальных, хоть и искусственно созданных условиях.

Лишение свободы как вид уголовного наказания – трудный этап не только для заключенного, но и для его детей, которые стали невольными заложниками стечения сложных жизненных обстоятельств. Занимая твердую позицию по защите прав человека, считаем, что ребенок должен поддерживать регулярный личный контакт с обоими родителями, несмотря на изоляцию родителя от общества.

Список литературы

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] / Федер. служба исполнения наказаний. – URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
2. Конституция РФ : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
5. Сошина Л. А. Право осужденной женщины – матери на контакт с ребенком в некоторых нормах международного права // Сиб. юрид. вестн. – 2015. – № 1. – С. 73–79.
6. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы : приняты резолюцией 45/113 Ген. Ассамблеи ООН от 14 дек. 1990 г.
7. О Перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей : постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 841 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 31. – Ст. 3743.
8. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными : приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., одобрены Экон. и Соц. советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.
9. Онищенко И. С. Некоторые вопросы регулирования и реализации прав женщин, осужденных к лишению свободы, имеющих малолетних детей // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 2. – С. 120–124.

M. V. Anikeeva

Undergraduate, 1st Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

Parental Rights and Responsibilities of Persons Sentenced to Imprisonment in the Russian Federation: Problems of Implementation

Abstract. The author raises the problem of the realization of parental rights and responsibilities of persons sentenced to imprisonment, examines ways to parent involvement – convicted in the upbringing of children, exploring the possibility of realization of maintenance obligations of persons sentenced to imprisonment.

Keywords: parental rights, sentenced to imprisonment, maintenance obligations, child care center.

Сравнительный анализ правового статуса военных священников в России и на Украине

© Анисимов И. В., 2016

И. В. Анисимов

студент 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: igara.anisimov@gmail.com

Научный руководитель:

Е. И. Ращупкина, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: ekaravayeva@mail.ru

Аннотация. Исследуются положения нормативных правовых актов России и Украины, учреждающих институт военного духовенства. Проводится анализ нормативных актов и деятельности военных священников, указываются сходства и особенности реализации их правового статуса.

Ключевые слова: институт военного духовенства, военный священник, духовенство и армия.

С момента принятия христианства на Руси отмечается тесное взаимодействие церкви и воинства. Это взаимодействие прослеживается и в наши дни. Хотя церковь и армия – это две противоположности, но на практике происходит тесное взаимодействие этих институтов. Институт военного духовенства разрешает мировоззренческий конфликт между задачами, поставленными церковью, и задачами, поставленными армией. С одной стороны, церковь говорит «не убей», но во время военных операций армия дает приказы убивать.

Обращаясь к истории, отметим, что православие сыграло роль некоего идеологического фундамента, на прочной основе которого произошло объединение множества племенных союзов восточных славян в единое мощное государство. Православие – это одна из конфессий, основывающаяся на византийских «догматах» и «канонах» и пропитавшаяся исконно славянскими обычаями, традициями, мировосприятием.

Целью данного исследования является сравнительно-правовой анализ правового статуса военного священника на Украине и в Российской Федерации, попытаемся также осветить процесс разработки и принятия нормативных правовых актов, связанных с институтом военного духовенства, регулирующих его правовой статус, цели и задачи в военных подразделениях.

Роль православия трудно переоценить в истории нашего государства. На территории европейской части России жили множество народов – древляне, ильменские словене, кривичи и т. д. Но русский народ как нераздельное целое, у которого есть общее народное мышление, где каждый осознанно относит себя к святोरусскому народу, а не к какому-либо племени восточно-

славянских племен, начал образовываться именно после принятия христианства.

Из истории узнаем, что в период вражеских нашествий и начала активных военных действий церковь возлагала на себя основную ответственность за поднятие боевого духа русских воинов, а также воспитание патриотизма и искренней любви к своему Отечеству в среде простых граждан. В тылу под чутким руководством приходских священников собиралась гуманитарная помощь для солдат, находящихся на передовой, осуществлялась социально-благотворительная деятельность в отношении семей тяжело раненных воинов или погибших на фронте [2].

В истории сохранилось множество примеров. Один из случаев произошел во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.), в те дни в действующей армии на русско-германском фронте служило достаточно много священников. Они направлялись на западный фронт из разных епархий страны, включая и отдаленные сибирские. Правовой статус военного священника во время войны значительно трансформировался. У военных батюшек появились новые обязанности. К числу их ключевых задач относились: не отходя ни на шаг, заботиться о раненых и больных, помогать перевязывать раны как в перевязочных, так и на передовой, участвовать в боевых действиях. Но в их руках не было оружия, а был лишь только крест.

Показательным примером может стать служение военного священника протоиерея отца Сергия Знаменского, исполняющего обязанности благочинного 83-й пехотной дивизии, заслужившего столь высокую должность беспримерной храбростью и искренней заботой о «пасомых» [1]. Во всех своих поступках он руково-

дствовался исключительно православными канонами: «кто свято хранит клятву, данную пред Богом при вступлении в звание воинское, тот не людям служит, а Богу Самому, исполняет Его святую заповедь» [8] (в будущем его причислили к лику священномученика). Один из его многочисленных подвигов описал историк А. Н. Лушин: «...выйдя за проволочные заграждения и подвергая свою жизнь опасности, совершил обряд погребения более 2000 человек, которые не могли быть вынесены с поля сражения вследствие обстрела врага» [5]. Как отмечают исследователи, он один из немногих священников на всем фронте обходил окопы на передовой линии в 40 шагах от неприятеля, поддерживая боевой дух русских воинов. Для солдата, на чьих плечах лежала вся тяжесть войны, любое доброе слово, искреннее участие к его судьбе воспринимались с огромной человеческой благодарностью. Вот как осветил ужасы войны один из ее участников: «Умиравшие мужики-солдаты встречают свой конец по большей части без ропота, покорно, глубоко веря в неисповедимые пути Промысла. И покоряются. Почти не ропщут. Умиравшие молча, без лишних стонов, без воплей, без жалоб». И протоиерей отец Сергей Знаменский со своей открытостью и человеколюбием, отзывчивостью и патриотичностью, смелостью и нестигаемой волей был любим и уважаем простыми ратниками. За многочисленные подвиги, за проявленный героизм протоиерей отец Знаменский был удостоен Георгиевского креста 4-й степени. Причем награду «самолично возложил на отца Сергия Великий князь Георгий Михайлович».

Зачастую военных священников ждала та же судьба, что и солдат, сражающихся плечом к плечу. Священники получали награды, получали ранения, попадали во вражеский плен.

14 апреля 2006 г. Священный синод РПЦ принимает заявление [4] о восстановлении в Российской армии института военного духовенства, которое было мотивировано тем, что возрождение данного института может принести пользу государству и обществу. Священный синод уверяет, что профессиональная работа военных священников позволит сократить число суицидов, случаев бесчеловечного обращения в армии и других аморальных и противоправных действий.

С 1 декабря 2009 г. министр обороны Российской Федерации утвердил «Положение о функциональных обязанностях помощников командиров частей по работе с верующими военнослужащими» [7]. В этом документе четко регламентирован статус военных священников, их полномочия, а также условия, в которых будут служить духовники.

На заседании Священного синода РПЦ 25–26 декабря 2013 г. принято «Положение о военном духовенстве Русской Православной Церк-

ви» [6]. Это очень важный документ, который регламентирует все основные позиции службы священников в силовых структурах Российской Федерации.

Аналогичный документ по своей сущности есть и на Украине. Им является Приказ Министерства обороны Украины № 40 «Об утверждении Положения о службе военного духовенства (капелланской службе) в Вооруженных Силах Украины» [9] от 27 января 2015 г. В приказе присутствует понятие военного священника. Военный священник (капеллан) – это физическое лицо, предложенное религиозными организациями – членами РДпО, которое прошло отбор и назначено на должность работника Вооруженных Сил Украины для удовлетворения религиозных потребностей личного состава.

Оба документа устанавливают процедуру назначения, основополагающие задачи, процесс деятельности, взаимодействие подразделений и должностных лиц военного духовенства.

В наших странах присутствует институт военного духовенства. На наш взгляд, главной целью этого института будет установление над военнотружущими опеки, которая будет всем им, независимо от принадлежности к государству, маяком, указывающим путь праведный во время военной службы, а в некоторых случаях и всю жизнь. Эта цель осуществляется через проведение богослужения и религиозных обрядов, связанных с удовлетворением духовных нужд военнотружущих, приобщение к основам религиозного учения, духовно-просветительную работу. Также эта цель осуществляется посредством участия в мероприятиях, проводимых командованием по патриотическому и нравственному воспитанию военнотружущих и их семей, воспитанию у военнотружущих любви к Богу на основе богатого духовного и нравственного наследия обеих стран; оказания содействия командованию в проведении профилактической работы по укреплению правопорядка и дисциплины, предупреждению правонарушений, неуставных взаимоотношений и суицидальных происшествий, содействия в формировании здорового нравственного климата в семьях военнотружущих, в развитии у военнотружущих таких качеств, как доблесть, храбрость, мужество, братство, умеренность, любовь к ближнему, патриотизм.

«Наша цель – говорить людям о жизни. Ведь там, где смерть, это делать необходимо. И никто, кроме церкви, этого сделать не может, потому что слово жизни есть только у церкви. Присутствие священников там, где царит смерть, – это прекрасная возможность говорить о жизни» [3].

Какие же существуют требования к военным священникам?

Военные священники должны иметь гражданство своего государства, обладать пастыр-

ским опытом, позволяющим окормлять и прощщать военнослужащих, иметь богословское образование, иметь положительное заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья. Они должны владеть государственным языком.

На Украине существуют еще специфичные обязанности, а именно: военным священником может быть лицо религиозной организации, представленной в Совете по делам пастырской опеки при Министерстве обороны Украины, имеющее не менее трех лет опыта деятельности священнослужителя, владеющее государственным языком. Подготовку военных священников осуществляют религиозные организации и Министерство обороны Украины. Обучаются военные капелланы в специальных духовных учебных заведениях – духовных академиях, институтах, университетах, семинариях и т. п. Также капеллан должен иметь духовное образование, иметь рекомендацию руководителя религиозной организации, успешно пройти обучение основам военного дела, военно-гуманитарной и военно-психологической подготовки, по окончании обучения он должен иметь соответствующий документ. И последнее, но немаловажное, он должен признать Кодекс военного священника.

В Российской Федерации военным священником может стать любой желающий, который пройдет школу полковых священников в Санкт-Петербурге, где будет заниматься изучением основных положений православной веры. Курс рассчитан на 10 месяцев, по его окончании выпускников ждет экзамен. Прошедшие экзамен получают свидетельство, которое дает право нести службу во всех вооруженных подразделениях РФ в роли ответственных за воспитательную работу в личном составе.

Представители института военного духовенства обеих стран, безусловно, должны обладать обширными знаниями и опытом пастырских служб, быть примером человека, обладающего сильным духом, оставаться непоколебимым в тяжелых и трудных ситуациях, а также действовать, не заходя за рамки своего статуса. Капелланы также обязаны защищать право военнослужащих на удовлетворение духовных потребностей, проводить на добровольной основе занятия по основам вероучения, принимать участие во всех сферах деятельности в пределах своей компетенции, осуществлять просветительскую деятельность с семьями военнослужащих и ветеранами.

Правовой статус военного священника предполагает и обязанности. В их числе: действовать в соответствии с конституцией соответствующих государств, своими действиями подавать пример военнослужащим, поддерживать высокую моральную планку боевого духа, проводить беседы о пользе здорового образа жизни, заниматься профилактикой самоубийств, воз-

держиваться от высказываний, которые могут вызвать религиозную неприязнь или вражду между военнослужащими, толерантно относиться к представителям других конфессий. Во время боевых действий военный батюшка обеспечивает духовную поддержку всего личного состава, проводя также индивидуальные религиозные обряды.

Еще одно сходство практики России и Украины: военному капеллану запрещается брать в руки оружие. Он не может нести службу на вахте, заниматься служебным расследованием и т. п.

В структуру службы военного духовенства Украины входят: головное подразделение в подчинении Министерства обороны Украины по вопросам службы военного духовенства и территориальные подразделения по вопросам службы военного духовенства (далее – СВД (К)), которые организуют работу по подготовке военных священников.

Основные задачи разделены на пять блоков. Первый блок – задачи становления государственной политики в сфере свободы мировоззрения и вероисповедания личного состава. Второй блок – задачи в области взаимодействия со структурами (должностными лицами) религиозных организаций, на которые возложена задача религиозной опеки военнослужащих. Третий блок – задачи в сфере организации удовлетворения потребности в военных священниках (капелланов). Четвертый блок – задачи в сфере организации обеспечения деятельности военных священников (капелланов). Пятый блок – задачи в области предоставления консультаций органам военного управления, подготовка командиров (начальников) методам взаимодействия с военными священниками (капелланами)

В отличие от России, где численность военных священников к численности личного состава не установлена, в украинской армии на одного военного капеллана приходится 1 тыс. военнослужащих. В исключительных случаях, когда численность военного подразделения менее 500 человек, – также может быть открыта должность военного батюшки, или батюшка привлекается для осуществления религиозных обрядов из других воинских подразделений. В таком случае священник должен согласовать порядок проведения пастырского окормления с начальниками двух воинских гарнизонов. Если в гарнизоне предусмотрена одна должность военного капеллана, то на нее назначается духовник из той религиозной организации, представителей которой больше в составе военного подразделения. Если существует возможность для службы двух военных капелланов, на должности назначаются кандидаты различных религиозных организаций, верующие которых составляют большинство среди личного состава. Не допускаются си-

туации, при которых в подразделениях есть верующие, которым необходимо удовлетворение духовных потребностей, но нет священников, этим подразделениям обеспечивается право иметь своего военного священника.

После прохождения отбора кандидат на должность военного капеллана подписывает с начальником территориального подразделения по вопросам службы военного духовенства трудовой договор и Кодекс военного священника (капеллана). Отказ по любым мотивам от любого из пунктов данного договора или Кодекса автоматически ведет к невозможности стать военным священником. Видится, что такая практика могла быть полезной и для России.

Интересно, что для проведения религиозных обрядов священнику передается, если есть в наличии, государственная собственность. Это может быть культовое здание или имущество. В случаях, когда присутствуют два и более военных священников, приказом начальника данного территориального подразделения по вопросам службы военного духовенства назначается старший военный капеллан, который должен иметь стаж не менее одного года работы в качестве военного капеллана. Срок нахождения на такой должности составляет один год.

В практике Украины отмечены случаи, когда свои обязанности выполняют священники разных религиозных конфессий. Тогда должно быть обеспечено поочередное занятие должности старшего военного священника.

Если обнаружатся факты нарушения военным священником Кодекса военного священника, к нему будет применена санкция в виде наложения взысканий. Если нарушения будут касаться норм международного гуманитарного права по применению оружия священнослужителем, его ждет отстранение от обязанностей военного священника.

Также следует обратить внимание на Кодекс военного священника, который был утвержден 5 июня 2013 г. на заседании Совета по делам пастырской опеки при Министерстве обороны Украины. В нем закреплены основные принципы душпапирской опеки военнослужащих в Вооруженных Силах Украины, а именно принципы следования ценностям церкви, любви к Богу, соблюдения любви и уважения не только к военнослужащим, но и капелланам своих и других

духовных конфессий: работать с семьями военнослужащих, быть жизненным примером и наставником для всех окружающих, не заниматься агитацией, которая выдвигает на первое место ту церковь или религиозную организацию, которой принадлежит военный капеллан, быть защитой для военнослужащих от дискриминации, соблюдать тайность информации, которая была получена во время проведения служебных церемоний.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: на современном этапе развития общества наличие института военного духовенства очень важно. Во-первых, этот институт может удовлетворить духовные потребности военнослужащих. Ведь во время боевых действий солдат не знает, выйдет ли он из боя живым через несколько часов. А слова военного батюшки послужат для него чем-то светлым, нужным.

Во-вторых, в современных условиях деидеологизации современного российского общества и утраты национальной идеи на государственном уровне предпринимаются попытки заполнить образовавшийся вакуум религиозными принципами, с помощью которых возможно повлиять на воспитание нравственных и морально-волевых качеств у молодого поколения россиян, в том числе и в армейской среде. Говоря о ситуации на Украине, отметим, что ей присущи те же тенденции.

В-третьих, кризисная ситуация обусловила необходимость разработки правовых оснований для привлечения священников к работе с личным составом вооруженных сил как в РФ, так и на Украине. Вместе с тем учреждение института военного духовенства в вооруженных силах РФ и Украины происходит на фоне отсутствия еще четкой регламентации правовых механизмов, профессиональных обязанностей, статуса военных священников в действующих подразделениях и пр. Рассматриваемая проблема требует предельно корректного решения, поскольку в составе вооруженных сил РФ и Украины служат представители различных религиозных конфессий.

В-четвертых, проведя сравнительный анализ правового статуса военного священника из Российской Федерации и Украины, можно исправить некоторые недостатки законодательства той или иной страны. Также присутствует вера в то, что этот институт сыграет важную роль в решении межгосударственных конфликтов.

Список литературы

1. Бушуева Е. С. Новые данные о служении священномученика С. И. Знаменского по документам Государственного архива Забайкальского края (к истории Нерчинской успенской церкви) // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 5 (100). – С. 335–343.
2. Бушуева Е. С. Настоятель Нерчинской успенской церкви протоиерей И. Г. Знаменский / Е. С. Бушуева, Т. Ю. Смертина // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 4 (99). – С. 370–378.
3. Военные капелланы Украины [Электронный ресурс]: Церковь Скиния: сайт. – URL <http://skinia.org.ua/chaplain/voennye-kapellany.html>.

4. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]: Москва: Моск. Патриархат: офиц. сайт. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/391776.html>.

5. Основные концепции работы с верующими военнослужащими в Вооружённых Силах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Отдел по взаимодействию с вооружёнными Силами и Правоохранительными учреждениями: сайт. – URL: http://v-pobeda.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=56:2012-01-19-05-28-50&catid=39:2012-01-19-05-12-27&Itemid=65.

6. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Моск. Патриархат: офиц. сайт. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html>.

7. Православный воин – Божий воин [Электронный ресурс]: Русская Православная Церковь: сайт. – URL: <http://duhovnik.com/node/3470>.

8. Священники – герои Великой войны [Электронный ресурс]: Русская народная линия: сайт. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/12/16/svyawenniki_geroi_velikoj_vojny/.

9. Наказ Міністерства оборони України від 27 січня 2015 року № 40 «Про затвердження Положення про службу військового духовенства (капеланській службі) в Збройних Силах України» Зареєстрований в Міністерстві Юстиції України від 14 лютого 2015 року реєстраційний номер 161/26606.

I. V. Anisimov

3rd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

The Comparative Analysis of the Legal Status of Military Priests in Russia and Ukraine

Abstract. The article is devoted to the study of legal and normative acts of Russia and Ukraine, establishing the institution of military clergy. The analysis of regulations and practices of chaplains identify the similarities and peculiarities of implementation of their legal status.

Keywords: military clergy, military chaplain, the clergy and the army.

Рецепция как форма взаимодействия основных правовых систем

© Белоусова К. А., 2016

К. А. Белоусова

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: belousova_kseniya@mail.ru

Научный руководитель:

М. Г. Тирских, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: tirskm@mail.ru

Аннотация. Рецепция права является неотъемлемой частью правового взаимодействия различных стран и формирования национальной правовой системы. Она имеет свои признаки, виды, а также выполняет важные для развития права функции. В данной статье анализируются понятие рецепции права, основные признаки рецепции, ее функции, а также виды. Рецепция права освещается в контексте правовой аккультурации, которая рассматривается как достаточно продолжительное взаимодействие культур различных обществ, использующее в зависимости от исторических условий различные методы и способы воздействия. Кроме того, в статье описаны основные стадии заимствования институтов одной правовой системы у другой.

Ключевые слова: рецепция, правопреемственность, заимствование, правовая аккультурация, государство-реципиент, государство-донор.

В переводе с латинского *reception* означает «принятие, заимствование», что раскрывает сущность рецепции в юридическом смысле, под которой понимается принятие (заимствование) одной правовой системой элементов другой правовой системы. Это может быть вызвано целым рядом различных факторов и проявляется в виде заимствования как прошлого опыта, так и элементов современных правовых систем.

Также необходимо различать такие понятия, как «рецепция права» и «правопреемственность». Следует отметить, что по данному вопросу существует плюрализм мнений. Некоторые авторы отождествляют данные понятия, другие же считают одно понятие входящим в состав другого, но даже в этом случае имеется расхождение во взглядах: либо рецепция права входит в состав правопреемственности, либо правопреемственность входит в состав рецепции права. Наиболее фундаментальным трудом по этому вопросу является работа болгарского профессора Н. Неновски «Преемственность в праве», в которой автор определяет преемственность как «связь между разными этапами (ступенями) в развитии права как социального явления, что суть этой связи состоит в сохранении определенных элементов или сторон права (в его сущности, содержании, форме, структуре, функциях и др.) при соответствующих его изменениях» [4, с. 168], при этом ученый обращает внимание на то, то существуют два вида преемственно-

сти – она бывает положительной и отрицательной. В своем труде правовед также отмечает, что рецепцию права следует рассматривать как некую специфическую форму правопреемственности. В противовес данному мнению появилась другая точка зрения, согласно которой именно рецепция включает в свое содержание правопреемственность.

Российский правовед В. А. Рыбаков определяет правопреемственность следующим образом: «Преемственность права – процесс сложный и противоречивый. Процесс, потому что отдельные элементы переходят из одного типа права или этапа развития в другой, т. е. происходит движение, в результате которого осуществляется и развитие права. Он также предполагает две стадии: во-первых, передачу накопившегося правового материала одним типом (этапом) права другому, во-вторых, усвоение и использование новым типом (этапом) права этих правовых ценностей. Сложность процесса преемственности заключается в том, что воспринятые элементы старого права не являются абсолютно «чистыми», они таят тенденцию борьбы с новым, могут при определенных условиях быть проводником отрицательного, старого. Развитие права невозможно без преемственности, являющейся основой поступательного движения» [5, с. 14]. Таким образом, можно сказать, что рецепцией права называется любое заимствование одной правовой системой элементов другой правовой

системы, термином «преемственность» же следует обозначать лишь правовое заимствование тех правовых институтов, которые как бы исчерпываются временем, проходят через своеобразный «фильтр» общечеловеческой культуры.

Теперь перейдем непосредственно к признакам правовой рецепции. Как мы уже выяснили, рецепция права – это такое явление, которое предполагает именно заимствование одной правовой системы элементов другой правовой системы. Заимствование выражается в восприятии, адаптации каких-либо норм, правовых обычаев, практики. Необходимо отметить, что правоведы выделяют принудительную, а также добровольную рецепцию. Большинство специалистов считают, что рецепцией права следует признавать не всякое перенесение права из одного общества в другое, а лишь добровольное восприятие чужого права. К таким правоведам относятся, в частности, профессор Фрайбургского университета Ф. Прингшайм, который в своей работе, посвященной рецепции, рассматривал теоретические аспекты данного явления. Он связывает с рецепцией права только добровольное восприятие той или иной страной права другой страны, противопоставляя такое восприятие навязыванию чужого права [7, с. 92]. С объективной стороны рецепция – это самый обычный для нормального развития человеческого общества процесс, а с субъективной – процесс сугубо добровольный, не терпящий никаких форм давления, а тем более принуждения и насилия. Добровольный характер рецепции выражается в свободном выборе страны-донора. Страна-реципиент, исходя из решаемых ею социальных задач, определяет иностранную правовую систему, материалом которой она предполагает воспользоваться. Необходимо отметить, что данный признак является относительным, так как в некоторых случаях рецепция может быть и навязанной – при смене режима, принадлежности территории.

Рассмотрим следующий признак рецепции права. Заимствование не ограничено во времени, в пространстве и по кругу субъектов. Заимствоваться может правовой материал как современных государств, так и государств тысячелетней давности; как материал соседних государств, так и государств различных континентов. Также правовой материал может заимствоваться как из одной страны, так и из множества стран одновременно. Исходя из данных признаков, можем сделать вывод, что рецепция права – это осознанное, как правило, добровольное, не ограниченное во времени и пространстве заимствование содержания и форм права из других правовых систем.

Для объективного, полного и всестороннего понимания рецепции права необходимо рассмотреть ее основные функции. Функции рецеп-

ции права, как правило, не могут выходить в целом за рамки функций права. Основные функции рецепции права – это наиболее общие, важнейшие направления ее воздействия на правовую систему. В том числе на форму, содержание и развитие права. Одной из наиболее важных функций рецепции права является функция субсидиарного правообразования. Таким образом, при заимствовании норм, институтов и отраслей права происходит своеобразное дополнение правообразовательного механизма государства. Те общественные отношения, которые не урегулированы национальными правовыми нормами, подпадают под регулирование заимствованных норм, институтов и отраслей права. Некоторые правоведы в качестве следующей функции рассматривают охранительно-исключающую. Охранительно-исключающая функция рецепции права помогает реализовать одну из целей рецепции права – сохранение существующих социально-культурных систем и их видоизменение в случае необходимости. Следует отметить, что охранительно-исключающая функция выступает производной от функции субсидиарного правообразования. С одной стороны, она направлена на обеспечение нормального существования функции субсидиарного правообразования, а с другой стороны, не допускает развития ликвидированных рецепцией элементов правовой системы.

Далее необходимо рассмотреть культурно-историческую функцию рецепции права. Данная функция обеспечивает преемственную связь исторических этапов правового развития, дает возможность сохранить опыт в области права последующим поколениям. Кроме того, некоторыми учеными-правоведами выделяется и такая функция, как интеграционная. С помощью механизма рецепции идет распространение институтов и правовых структур, их внедрение в другие правовые системы. Интеграционная функция тесно взаимодействует и проявляет себя в процессе унификации и гармонизации права. В данном контексте унификация понимается как приведение к единообразию, к единой форме или системе, а гармонизация – как процесс, направленный на сближение правовых систем разных государств, на устранение или уменьшение различий. Стоит обратить внимание на то, что при этом происходит определенная интеграция ценностей социально-правовой и политической культуры стран мира. Примером этому служит культурно-экономическая глобализация.

Разобрав вопросы понятия и функционирования рецепции права, перейдем к вопросу о видах (формах) рецепции права. Исторический анализ права позволяет сделать вывод о теоретических обобщениях форм, в которых происходит реализация механизма рецепции права [5, с. 4]. Виды рецепции обусловлены формой вос-

приятия каких-либо отдельных институтов, элементов юридической техники, практики правоприменительной деятельности. К примеру, государство может заимствовать саму идею права – систему общих взглядов, верований отдельных сообществ либо целого общества относительно принципов социального, политического или правового порядка, также государство может просто ограничиться переносом чисто технико-юридических конструкций на уже имеющуюся идеологическую почву.

Таким образом, можем выделить следующие виды рецепции права. Во-первых, тотальная (полная) рецепция права. При данном виде рецепции права субъект рецепции заимствует структуру организации права, вследствие чего происходит замена «основания права» в целом. Во-вторых, мы можем выделить фрагментарную юридическую аккультурацию. Это достаточно распространенное явление, которое возникает из повседневных контактов разных правовых систем в процессе экономических, политических и социально-культурных обменов. Данный вид рецепции права является наиболее благоприятным для постепенного, ступенчатого развития права.

Кроме того, существует другая классификация видов рецепции права. Это деление на рецепцию по горизонтали и рецепцию по вертикали. Начнем с рецепции права по горизонтали. Заимствование по горизонтали – это восприятие правовых институтов и явлений одной стороной от другой, когда обе правовые системы существуют одновременно. Термин «рецепция» в данном случае употребляется именно как восприятие каким-либо правовым порядком действующих норм современной правовой системы. Горизонтальная рецепция может быть двухсубъектной, а также многосубъектной. Двухсубъектная рецепция – это такая рецепция, при которой происходит одностороннее заимствование каких-либо элементов права государством-реципиентом у государства-донора. Примером такой рецепции может выступать восприятие арабской культуры культуры и права завоеванных народов Сирии, Палестины и Ливана в VII–IX вв. Многосубъектная рецепция – это такая рецепция, при которой государством-реципиентом заимствуются культурно-правовые элементы нескольких государств-доноров. Примером такой рецепции служит история древнеримского права. Оно активно заимствовало достижения правовых культур различных народов Средиземноморья. Профессор Г. И. Муромцев подчеркивает, что «это было не механическое копирование нормативного материала, а имел место синтез национальных правовых культур различных народов Средиземноморья, а в частности греческой правовой культуры, правовой культуры Карфагена. В основе Законов XII таблиц ле-

жит национальное римское право царского периода и греческие правовые тексты» [3, с. 106]. Следующий вид рецепции – это рецепция по вертикали. Рецепция в данном случае предполагает восприятие не отдельных изолированных элементов правовой культуры, а целых систем институтов, правовых норм, отраслей права, которые находятся в тесной взаимосвязи между собой. Реципиенты выбирают не просто приемлемую систему правовых ценностей. Главное, чтобы реципируемое право было авторитетным и признанным, чтобы оно занимало определенную нишу в правовом мировом пространстве. Как правило, это старое, традиционное и проверенное временем право.

Теперь рассмотрим рецепцию как форму правовой аккультурации. Для начала необходимо разобраться, что понимается под правовой аккультурацией. Правовая аккультурация – это достаточно продолжительное взаимодействие культур различных обществ, использующее в зависимости от исторических условий различные методы и способы воздействия, необходимым результатом чего является изменение изначальных структур взаимодействующих культур и формирование единого правового пространства [8, с. 65]. В зависимости от определенных условий различаются такие исторические формы правовой аккультурации, как рецепция, экспансия, ассимиляция, интеграция, а также конвергенция. Наиболее распространенной формой является правовая рецепция. Как уже рассматривалось выше, это односторонний добровольный процесс передачи элементов правовой культуры социума-донора с обязательным их усвоением социумом-реципиентом. Инициатором рецепции выступает, как правило, принимающая сторона в лице правящей элиты, которая хочет внедрить у себя частично или полностью правовую систему донора. Результатом рецепции является частичное усвоение обществом-реципиентом культурно-правовых традиций, идей, ценностей общества-донора при максимально возможном сохранении своих национальных особенностей. Что же касается правовой рецепции в контексте правовой аккультурации, то необходимо отметить, что она обладает родовыми признаками и имеет ряд существенных особенностей.

Правовая рецепция характерна для многих этапов развития общества и государства. Зачастую ученые-правоведы в научной литературе рассматривали рецепцию именно в историческом аспекте при изучении различных правовых культур и их влиянии друг на друга. Самым ярко выраженным примером данного явления считается рецепция римского права, при которой элементы римского права были реципированы государствами Западной Европы. Но при этом

римское право также заимствовало некоторые институты из других правовых систем. Это говорит о том, что культурный обмен между социумами невозможно ограничить рамками только одной рецепции. Этот процесс обмена элементами правовых систем можно раскрыть через такой правовой феномен, как правовая аккумуляция [6, с. 557].

Рассмотрим процесс рецепции права в контексте правовой аккумуляции. Для начала правящая элита должна осознать, что по каким-либо причинам нужно изменить свою правовую систему. При этом всем важно понимать, что общественные отношения уже не могут быть урегулированы старыми правовыми нормами. Так было в Западной Европе, когда развитие товарно-денежных отношений привело к рецепции частного римского права. Власть должна определить, каким способом необходимо осуществить подобные изменения: заимствовать иностранный правовой опыт или же перенять. Заимствование предполагает привнесение элементов правовой культуры извне – общество-реципиент воспринимает образцы чужого права, выработанные обществом-донором в этот же временной промежуток [2, с. 109]. Преемственность – это, как правило, обращение к собственному историческому опыту или восприятие чужого права, которое создавалось в предшествующие этапы исторического развития. Необходимость заимствования элементов правовой культуры социума-донора обусловлена появлением новых общественных отношений, формированием необходимости их урегулирования на уровне власти. Когда властью осознана необходимость в рецепции чужого правового опыта, она вырабатывает модель переноса чужеродных элементов в национальную правовую систему. Переносимые правовые элементы могут адаптироваться к новым условиям, а могут быть отвергнуты обществом. Отторжение может носить абсолютный или частичный характер. В качестве примера можно привести рецепцию Гражданского кодекса Швейцарии и Турции. В ходе данной рецепции произошло отторжение некоторых законодательных положений, касающихся снижения брачного возраста и становления обязательной регистрации перехода права собственности в определенных кланах. Также примером может служить Конституция Казахстана 1993 г., которая разрабатывалась на основе конституционной модели Соединенных Штатов Америки. Данная Конституция не могла функционировать в реформируемом обществе и была отменена через два года после ее принятия.

После того как произошло принятие чужеродных культурно-правовых норм, наступает этап введения этих норм в действие, их законодательное закрепление. Далеко не всегда реци-

пированные элементы оказывают на общество положительное, прогрессивное влияние. Примером тому служит не очень удачный пример рецепции иностранного права Россией в период столыпинской реформы. Россия не была готова к восприятию нового западного опыта фермерского хозяйствования. Более того, данное заимствование настроило крестьянство против власти. Но если по прошествии определенного времени заимствованный элемент приживается, то он становится частью отечественного правового опыта.

Таким образом, процесс заимствования правовых элементов имеет определенные стадии (этапы). Первая стадия – это выявление потребности, как уже было отмечено выше. На данном этапе в обществе-реципиенте появляются какие-либо проблемы, существующий механизм правового регулирования не дает тех результатов, которых ожидает от него общество. Вторая стадия – непосредственно заимствование. Это перенос правовых норм и институтов из одной правовой системы в другую. На данном этапе законодателю необходимо согласовать принципы и идеи чужого права с национальным правом и практикой его применения. Также законодатель анализирует и оценивает сравнительно-правовые данные о развитии законодательства в обоих социумах, изучает и сопоставляет зарубежный опыт с внутригосударственным опытом, составляет рекомендации по внедрению зарубежного права. Третья стадия – это адаптация. Данный этап необходим для успешного применения правовых норм и институтов с учетом сложившихся национальных правовых обычаев и традиций. Заимствованные элементы должны адаптироваться в национальной правовой системе, стать ее частью. Четвертая стадия – восприятие (усвоение). На данном этапе происходит процесс принятия и введения в действие чужих принципов, норм и институтов в правовой системе реципиента. На законодательном уровне они должны получить официальное закрепление и признание, начать применяться на практике. Пятая стадия – это результат. Это результат того, как эффективно применяются на практике реципированные элементы. Это может выражаться в наличии определенного социального эффекта в виде уважения закона, повышения качества законотворческой деятельности, снижения уровня преступности, повышения уровня соблюдения законности [1, с. 130].

Для того чтобы рецепция была успешной, необходимо выполнить ряд условий. Во-первых, при рецепции должно происходить взаимодействие идентичных правовых культур. Во-вторых, восприятие чужого юридического опыта должно быть поэтапным: сначала система ценностей, а уже затем собственно правовые нормы, институты и т. д. В-третьих, при рецепции права должен

соблюдаться строго научный подход к рецепируемому явлению. И, наконец, в-четвертых, внедряемые элементы чужого права не должны отрицать национальные правовые традиции, юридическую практику общества-реципиента.

Таким образом, рецепция права является неотъемлемой частью правового взаимодейст-

вия различных стран и формирования национальной правовой системы. Она имеет свои признаки, виды, а также выполняет важные для развития права функции. Успешное заимствование правовых моделей возможно только с учетом принципов и ценностей, лежащих в основе соответствующей политико-правовой культуры.

Список литературы

1. Бункина М. К. Взаимозависимость, интеграция, общеевропейский дом // Сов. государство и право. – 1989. – № 10. – С. 128–131.
2. Мантуров В. В. Соотношение рецепции и иных форм правовых заимствований // Сиб. юрид. вестн. – 2012. – № 4. – С. 109.
3. Муромцев Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки: система и влияние традиции / Г. И. Муромцев. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. – 148 с.
4. Неновски Н. Преемственность в праве / Н. Неновски ; пер. с болгар. В. М. Сафронов ; отв. ред. Ю. С. Завьялов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 168 с.
5. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретические вопросы : монография / В. А. Рыбаков. – Омск : Наука, 2009. – 250 с.
6. Сокольская Л. В. Понятие и признаки правовой аккультурации // Lex russica. – 2009. – № 3. – С. 557–570.
7. Ткаченко С. В. Рецепция права: идеологический компонент : монография / С. В. Ткаченко. – Самара : СамГАПС, 2006. – 106 с.
8. Ушанова И. А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире // Вестн. Новгор. ун-та. – 2003. – № 4. – С. 63–66.

K. A. Belousova

Undergraduate, 1st Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

Reception as a Form of Interaction between the Main Legal Systems

Abstract. Reception of law is an integral part of the legal interaction between the various countries and the formation of the national legal system. Reception has its signs, types, and also performs functions, important to the development of law. This article discusses the concept of reception of law, the main features of the reception, its functions and types. Reception of law is discussed in the context of legal acculturation, which is regarded as sufficiently long interaction of cultures of various societies that use depending on the historical conditions for the various methods and means of influence. In addition, the article describes the main stages of reception.

Keywords: reception, legal succession, borrowing, legal acculturation, recipient-state, donor-state.

Актуальные вопросы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов органами государственной власти

© Березина Е. В., 2016

Е. В. Березина

студентка 2-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации; e-mail: opensno@gmail.com

Научный руководитель:

К. Н. Евдокимов, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Иркутск; e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

Аннотация. Актуальность изучения данной темы обусловлена активным развитием такого направления деятельности органов прокуратуры, как проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также статистическими данными за последние два года: динамика выявлений нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов положительна. Статья посвящена выяснению существующих проблем в сфере проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов органами прокуратуры Российской Федерации и поиску их решения, анализу актов прокурорского реагирования и выявлению типичных коррупциогенных факторов. В качестве последних автор называет: наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, отсутствие или неполнота административных процедур, злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами), принятие нормативного правового акта за пределами компетенции. По результатам исследования автор делает обобщающие выводы о настоящем уровне развития рассматриваемого направления деятельности органов прокуратуры и предлагает различные пути совершенствования деятельности органов прокуратуры в сфере проведения антикоррупционной экспертизы. А именно: внести дополнения в ст. 104 и 125 Конституции Российской Федерации в целях наделения Генерального прокурора правом законодательной инициативы, а также правом обращения в Конституционный Суд и законодательным путем урегулировать место прокуратуры в системе государственной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, акты прокурорского реагирования, противодействие коррупции, цель проведения антикоррупционной экспертизы.

Актуальным является вопрос о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, их проектов и выявление в них коррупциогенных факторов. Важность данного направления деятельности органов региональных, городских и районных прокуратур заключается в повышении качества местного нормотворчества, так как зачастую в нормативных правовых актах, издаваемых на рассматриваемых уровнях, коррупциогенные факторы допускаются не умышленно, а по причине недостатка профессионализма или юридической неграмотности должностных лиц, которые их принимают. Эффективная антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов, являясь одним из направлений деятельности в рамках противодействия коррупции, позволяет повысить уровень законности. Именно нормативные правовые акты, содержащие коррупциогенные факторы, создают почву для развития коррупции.

С каждым годом органы прокуратуры, в частности, увеличивают продуктивность работы в этом направлении. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2013 г. в результате вмешательства прокуратуры коррупциогенные факторы были исключены из 56 863 нормативных правовых актов и их проектов, а в 2014 г. уже из 58 812, что на 3,4 % больше предыдущего показателя [7]. Однако стоит задуматься: высокие показатели статистики – это тревожный звонок или реальное повышение эффективности работы органов прокуратуры? В условиях роста уровня коррупции на местах нельзя дать однозначного ответа.

Правоохранительные органы руководствуются как международными документами, так и внутригосударственными. Среди международных нормативных правовых актов, регулирующих сферу борьбы с коррупцией, необходимо

назвать Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции, принятую Генеральной ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.; Межамериканскую конвенцию о борьбе с коррупцией, принятую Организацией американских государств 29 марта 1996 г.; Конвенцию о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц европейских сообществ или должностных лиц – членов Европейского союза, принятую Советом Европейского союза 26 мая 1997 г.; Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятую Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 г.; Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, принятую Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 г.; Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятую Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1999 г.; Конвенцию Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней, принятую главами государств и правительств Африканского союза 12 июля 2003 г [9, с. 67].

В России деятельность правоохранительных органов, осуществляющих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, в частности Прокуратуры Российской Федерации, регламентируют следующие правовые акты: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ; Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 апреля 2014 г. № 175 «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащих нормы права»; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 400 от 28 декабря 2009 г. «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов»; Федеральный закон № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации».

Вышеперечисленные документы устанавливают полномочия органов прокуратуры в проведении антикоррупционной экспертизы, формы её проведения, но в первую очередь цели этого направления деятельности. В специальных источниках цель проведения антикоррупционной экспертизы определяется как «проведение исследования правового акта и оценка его формы и

содержания на соответствие определенным критериям для реализации эффективного регулирования общественных отношений» [8, с. 13]. Исходя из «Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Методика), утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96, необходимо указать коррупциогенные факторы. Их выделяют одиннадцать: широту дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле «вправе»; выборочное изменение объема прав; чрезмерную свободу подзаконного нормотворчества; принятие нормативного правового акта за пределами компетенции; заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий; отсутствие или неполноту административных процедур; отказ от конкурсных (аукционных) процедур; наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления; юридико-лингвистическую неопределенность [5].

Автором было изучено шестнадцать актов прокурорского реагирования, вынесенных в результате проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, на основании которых можно сделать вывод, что при проверке муниципальных правовых актов обозначается ряд факторов, наиболее часто встречающихся. Обозначим их как типичные. В изученных актах прокурорского реагирования типичными являются: наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, – установление неопределённых, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям (встречается в 25% изученных актов, соответствует подп. «а» п. 4 Методики); отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определённых действий либо одного из элементов такого порядка (встречается в 19% изученных актов, соответствует подп. «ж» п. 3 Методики); злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) – отсутствие чёткой регламентации прав граждан и организаций (наблюдается в 19% изученных актов, соответствует подп. «б» п. 3 Методики) и принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – нарушение компетенции органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц)

при принятии нормативных правовых актов (находит отражение в 19% изученных актов, соответствует подп. «д» п. 3 Методики).

Так, например, фактор, указанный в подп. «а» п. 4 Методики, был выявлен при рассмотрении прокуратурой Улетовского района Забайкальского края положения администрации сельского поселения «Аблатуйское» муниципального района «Улетовский район» № 68 от 18 октября 2012 г. «Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги “Выдача ордеров на проведение земляных работ”». Он заключался в следующем: копия свидетельства о государственной регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя, выписка из государственного реестра о юридическом лице (индивидуальном предпринимателе), являющемся заявителем, могли быть получены органом местного самоуправления в рамках межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении муниципальных услуг. Поэтому истребование данных документов от заявителя на получение муниципальной услуги являлось незаконным [3].

Из практики осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов видно, насколько тщательно проводится работа органами прокуратуры в этом направлении. Однако если проследить статистику, указанную на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, то можно видеть, что в 2014 г. по сравнению с 2013 г. выявлено нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы, на 2,8% больше (64 398 и 62 666 соответственно). Значит, существует проблема беспрестанного роста объёма правовых актов, подлежащих экспертизе. Чрезмерно большой объём не даёт возможности более глубоко изучить тот или иной проект нормативного правового акта или же сам акт.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, их проектов является одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры, а значит, требует незамедлительного решения указанной выше проблемы. Видятся два пути её решения и совершенствования деятельности органов прокуратуры в сфере антикоррупционной экспертизы. Думается, следует внести следующие предложения. Во-первых, необходимо активное взаимодействие органов прокуратуры с антикоррупционными комиссиями в органах местного самоуправления и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которое будет выражаться в обучении специалистов указанных органов в целях их дальнейшей уже самостоятель-

ной работы в этом направлении. Во-вторых, прокурорам необходимо использовать право законодотворческой инициативы и требовать принятия органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления нормативных правовых актов по предоставлению региональных и муниципальных актов на проверку. Поскольку такой обязанностью прокуроры не обладают, а представители органов местного самоуправления не осведомлены в должной мере о том, какие проекты каких нормативных правовых актов следует представлять прокуратуре для проверки, то было бы целесообразно урегулировать этот вопрос законодательным путем. В целом организация деятельности органов местного самоуправления требует некоторого совершенствования, на это уже обращали внимание другие авторы, например С. А. Банщикова [4, с. 22–27]. В настоящее время процедурный вопрос в этом отношении регламентируется соглашениями между органами прокуратуры и органами государственной власти в субъектах Российской Федерации или местными органами власти. Так, например, прокуратура города Иркутска 16 апреля 2014 г. заключила соглашение с администрацией города Иркутска «О порядке взаимодействия между администрацией города Иркутска и прокуратурой города Иркутска в сфере нормотворчества» [2]. Впервые подобные соглашения были заключены в 2009 г. в ряде регионов, когда Всероссийский совет местного самоуправления обозначил и вынес на обсуждение проблему взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления [10, с. 138–155]. Поэтому для реализации данного пути решения существующей проблемы предлагается внести дополнение в ст. 104 Конституции Российской Федерации, Федеральный конституционный закон № 1 от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6]. Это позволит на федеральном уровне установить обязательность предоставления нормативных правовых актов, их проектов в органы прокуратуры для проведения антикоррупционной экспертизы. Данное предложение ранее уже высказывалось рядом авторов [1, с. 85–89], но дальнейшего законодательного закрепления оно не нашло.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, их проектов позволяет снизить уровень коррупции как более широкого понятия, так как нормативные правовые акты, содержащие коррупциогенные факторы, создают условия для активного развития коррупции.

Список литературы

1. Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании Конституции РФ в контексте развития современного российского общества и деятельности органов прокуратуры // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства : сб. науч. тр. / К. Н. Евдокимов, Н. Н. Таскаев. – Иркутск, 2014. – С. 85–89.
2. Архив прокуратуры города Иркутска за 2014 г.
3. Архив прокуратуры Улетовского района Забайкальского края за 2013 г.
4. Банщиков С. А. Целесообразность специальной правовой регламентации вопросов организации местного самоуправления на отдельных территориях // Сиб. юрид. вестн. – 2013. – № 2. – С. 22–27.
5. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февр. 2010 г. № 96 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. ФКЗ-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
7. Основные результаты прокурорской деятельности за январь-декабрь 2014 г. [Электронный ресурс] // Ген. прокуратура РФ : офиц. сайт. – 2003–2015. – URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения : 1.04.2015).
8. Юрковский А. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов / А. В. Юрковский, О. В. Костюнина, В. П. Любушкина. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2014. – 91 с.
9. Юрковский А. В. Правовые основы противодействия коррупции : учеб. пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – 287 с.
10. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности : учеб. пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова, И. А. Кузьмин, В. П. Любушкина. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2014. – 239 с.

E. V. Berezina

2st Year Student, Irkutsk law Institute (Branch) Academy of the Prosecutor
General of the Russian Federation

**Current Issues of Expertise Anti-Corruption of Regulations
and Drafts of Normative Legal Acts of State Authorities**

Abstract. The relevance of the study of this topic is due to the active development of the activities of the prosecution, as the anti-corruption expertise of normative legal acts and draft laws and regulations, as well as statistical data for the past two years: the dynamics of the normative legal acts and normative legal acts is positive. This scientific article is devoted to clarify the existing problems in the sphere of anti-corruption expertise of legal acts and draft legal acts of the Russian Federation, the prosecuting authorities and the search for their solutions, the analysis of acts of prosecutorial response and identification of typical corruption-factors. As a last author names: the presence of excessive demands to face requirements for the implementation of the rights belonging to him, the lack of or incomplete administrative procedures, abuse of the right of the applicant by the public authorities or local self-government (their officials), the adoption of a normative legal act beyond the competences. According to the study the author makes general conclusions about the present level of development of the reporting activities of the prosecution authorities and offers a variety of ways to improve the activities of the prosecution authorities in the field of anti-corruption expertise. Namely: to amend the Article 104 and 125 of the Constitution of the Russian Federation in order to empower the Attorney General's right of legislative initiative and the right to appeal to the Constitutional Court and legislative means to settle the place of public prosecution in the system of state authorities of the Russian Federation.

Keywords: anti-corruption expertise, corruption-factors, acts of prosecutorial response, countering corruption, the purpose of the anti-corruption expertise.

Правовая природа фидуциарных отношений

© Дружинин Г. В., 2016

Г. В. Дружинин

магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: druzhinin93@mail.ru

Научный руководитель:

М. Г. Тирских, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: tirskm@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются фидуциарные договоры, правовая категория, малоизученная в российской цивилистике. Автор анализирует признаки фидуциарных отношений (договоров), выделяющие их из основной группы гражданско-правовых отношений. Уделяется внимание ключевому элементу фидуциарной конструкции – доверию.

Ключевые слова: фидуциарные отношения, доверительные отношения, фидуциарный договор, договор на доверии.

Фидуциарные отношения характеризуются особым доверием, которому соответствует правовое явление «фидуциарное обязательство», возникающее, когда одно лицо действует исключительно в интересах другого лица. Данная концепция имеет широкое применение. В соответствии с ней строятся, например, обязательства поверенного и доверителя, принципала и агента, адвоката и представителя. Фидуциарное обязательство играет важнейшую роль в лично-доверительных правоотношениях. Фидуциарные сделки иногда выделяют в качестве особой разновидности сделок. В таких сделках личность имеет для другой стороны большое значение.

Доверие – это комплексное явление, содержащее в себе веру доверителя в добросовестность и порядочность действий поверенного, а также верность поверенного данному слову, своим принципам.

Специфика этих отношений заключается в том, что они основываются на нравственном кредите, добровольных взаимных обязательствах, возникающих как результат требований личности к личности. Данный тип договоров можно классифицировать по характеру взаимоотношения как фидуциарные.

Фидуциарные отношения имеют довольно древнюю историю: они возникли еще в римском праве. Среди основных сделок с высокой степенью доверия в римском праве можно отметить: договоры поручения (*mandatum*), договор товарищества (*societas*), ссуды (*commodatum*), хранения (*depositum*), а также опеки (*tutela*).

В целях выделения в отдельную категорию названных отношений (договоров) перейдем к рассмотрению и выделению признаков, характерных для фидуциарных отношений.

Доверительный характер отношений

Для фидуциарных отношений характерно наличие особого доверия между сторонами. Элемент доверия играет важную роль, благодаря доверию возникают и исполняются фидуциарные отношения, а в случае утраты доверия отношения прекращаются.

Свои истоки доверие берет еще со времен римского права, в котором элемент доверия нашел свое отражение в категории *fides*. Концепция *fides*, которая в свою очередь уходит корнями в архаическое право и выражает идею верности данному слову, доверия, связи, в целом конформности ожидаемому и соответствующему социальной норме поведению.

По мнению Н. Г. Вавина, доверие должно обладать обязательным признаком – взаимностью: «Что касается сделок фидуциарных, то под ними понимаются сделки, совершенные ввиду взаимного доверия контрагентов в такой форме, которая предоставляет одному из них больше прав, чем это следовало бы сообразно тому правоотношению, которым они в действительности имеют намерение связать себя» [1, с. 9–11].

Данный разрыв конструкции и функции оправдан тем, что между сторонами возникает особое доверие. Полагаем, что именно в фидуциарных договорах имеет место высокий уровень или высокая степень доверия, в противном случае стороны не вступали бы в отношения.

Л. Д. Боровая рассматривает взаимное доверие участников как мотив возникновения, существования и прекращения отношений [2, с. 139].

В свое время видный дореволюционный цивилист Г. Ф. Шершеневич усматривал личный элемент в поручении и то, что оно основано «на

взаимном доверии, на предположении честности и способности в контрагенте» [3, с. 662].

В Толковом словаре С. И. Ожегова под доверием понимается *уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь* [1, с. 147]. Можно предположить, что доверитель, «кредитуя» поверенного, предоставляет ему определенные права (право действовать от своего имени, представлять интересы доверителя), а взамен желает получить верность со стороны поверенного. В этом и будет заключаться взаимность.

Другими словами, одно лицо предоставляет доверие, другое в ответ – верность. Сложный юридический состав фидуциарного правоотношения включает в себя элемент личной веры, уверенности в партнере, доверия к возможным действиям партнера, возможность положиться на его суждение и обещание. Перед нами также стоит задача разобраться, что же такое верность. Под верностью следует понимать стойкость и неизменность в исполнении обязанностей, долга.

В договоре простого товарищества доверие выражается в том, что при создании простого товарищества каждый из товарищей имеет право представлять лицо в отношениях: «При ведении общих дел каждый товарищ вправе действовать от имени всех товарищей» (п.1 ст. 1044 ГК РФ).

Верность же проявляется в том, что каждый из товарищей верен идее, цели, ради которой создано товарищество: «...двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для достижения не противоречащей закону цели» (ст. 1041 ГК РФ).

Таким образом, в фидуциарных отношениях доверие должно быть обязательным элементом и обладать свойством взаимности. Доверие в них является видообразующим свойством, поэтому они получили название фидуциарных – в переводе с латыни «доверительных».

В фидуциарных договорах доверие имеет правовое значение и может влиять на отношения, при этом оно может проявляться достаточно многогранно: односторонний отказ от договора (ч.1 ст. 699 ГК РФ), прекращение договора в связи со смертью лица (п. 3 ч. 1 ст. 977, п. 1 ч. 1 ст. 1024 ГК РФ), безвозмездное исполнение договора (ст. 690 ГК РФ, ч. 3 ст. 891 ГК РФ), личное исполнение договора (п. 1 ч. 1 ст. 974 ГК РФ).

Длящийся характер отношений

Специфика фидуциарных договоров проявляется в том, что данные отношения носят длящийся характер.

Еще в римский период на доверии строились длящиеся отношения между опекуном и подопечным, хранителем и поклажедателем, доверителем (мандантом) и поверенным (мандата-

рием) в договорах поручения и другие отношения, основанные на безвозмездных началах [5, с. 10].

В своей работе «Договорное право» М. И. Брагинский и В. И. Витрянский определяли, что для договора агентирования и доверительного управления длящийся характер является конструктивным признаком: «если агентский договор охватывает наряду с разовыми и длящиеся отношения, то при договоре доверительного управления длящийся характер отношений сторон составляет его конститутивный признак» [6, с. 266].

Анализируя российское законодательство, можно прийти к выводу, что отношения безвозмездного пользования (ст. 689 ГК), хранения (ч. 1 ст. 899 ГК), поручения (ч. 2 ст. 971 ГК) и агентирования (ч. 3 ст. 1005 ГК), доверительного управления имуществом (ч. 1 ст. 1012 ГК) носят длящийся характер.

При этом отношения, «проверенные временем», с годами становятся крепче, а между лицами возникает устойчивая психологическая связь. Необходимо вспомнить и договор простого товарищества в римском праве. Товарищество содержит в себе как бы право братства [7, с. 240].

Как известно, люди в семье находятся в близких личных отношениях и в большинстве случаев связаны между собой кровной связью. Кровные узы предполагают устойчивую связь между людьми. Тесная связь устанавливается и в отношениях, возникающих на основании договора пожизненного содержания с иждивением.

Нахождение гражданина на пожизненном содержании плательщика ренты, предоставляющего гражданину иждивение, жилище и уход, предполагает наличие между ними лично-доверительных отношений длящегося характера.

А. П. Сергеев в отношении договора пожизненного содержания с иждивением указывает на его отличительную черту, состоящую в том, что стороны договора обычно постоянно взаимодействуют друг с другом, находятся в личном контакте, следствием чего является психологический контакт и доверие, оказываемое получателем ренты плательщику. На этом основании А. П. Сергеев квалифицирует договор пожизненного содержания с иждивением как договор доверительного (фидуциарного) характера [8, с. 163].

Постоянное взаимодействие контрагентов, нахождение в личном контакте и появление психологической связи может возникнуть лишь при длящемся характере отношений.

Передача комплекса прав одного лица другому

При переходе этого комплекса прав происходит возникновение квазиличности доверителя. Другими словами, создается фикция личности доверителя, трансформация в доверенное лицо.

Подкрепить данный аргумент можно исследованиями нескольких авторов. По мнению

Е. В. Белоусовой, фидуциарность – есть комплексное свойство, сущность которого заключается в наличии между сторонами особых доверительных отношений, с передачей определенного комплекса прав, вплоть до создания фиктивной личности [9, с. 24].

Континентальная система права сформулировала иное от англосаксонской системы понимание фидуциарных отношений, предполагающее расщепление правосубъектности фидуциара, а не расщепление права на вещь, как в странах общего права (институт траста).

В пользу этого высказывал свое мнение Д. В. Дождев в своей работе «Основания защиты владения в римском праве», где упоминал, что конструкция владения на чужое имя отрицает правоспособность держателя, автономию его личности. Происходила утрата самостоятельности лица. Лицо превращается в орудие собственника, что означает стать в объеме прав лицом чужого права [10, с. 34].

Следует согласиться с Д. В. Дождевым в том, что лицо действительно в какой-то степени утрачивает автономию, но будет вернее сказать «автономию воли», так как оно действует от имени доверителя и в его (т. е. чужих, а не своих) интересах.

Очень интересно это объясняется в Дигестах (D. 41. 2. 18): «Считается, что мы владеем не только когда владеем мы сами, но и если другой находится во владении от нашего имени, хотя бы он не был подчинен нашей власти...» [11, с. 33].

Следуя логике данного суждения, можно предположить, что лицо, владеющее от нашего имени, становится как бы нами, т. е. квазисубъектом в лице доверителя. У поверенного возникает фикция чужой личности (доверителя).

Таким образом, расщепление правосубъектности фидуцианта (доверителя) приводит к появлению квазисубъекта (фикции доверителя). У получателя доверия появляется наряду с собственным правомочием еще и чужое правомочие, которое он реализует как свое.

Юридическая личность человека переходит за пределы, очерченные его физической природой. Многие субъекты правоотношений ассоциируют поверенного с доверителем, так как поверенный становится обладателем чужого права.

Высокоперсонифицированный характер

Фидуциарные отношения – это отношения, носящие высокоперсонифицированный характер, которые предполагают в большинстве случаев личное исполнение обязательств и которые исключают правопреемственность обязательств.

Часто с личностью связывают исполнение договора. Так, во многих нормах фидуциарных договоров предусмотрено личное исполнение договора: ст. 895 ГК РФ – если договором хране-

ния не предусмотрено иное, *хранитель не вправе* без согласия поклажедателя передавать вещь на хранение третьему лицу; по ст. 974 ГК РФ поверенный обязан *лично исполнять* данное ему поручение. Конечно, есть и исключения, но по общему правилу стороны должны выполнять обязательства лично. Роль личности можно определить и по прекращению договора. В случае смерти поверенного по договору поручения правопреемство не предусмотрено законом.

Также в договоре простого товарищества ст. 1050 ГК РФ предусмотрено семь случаев прекращения договора: 1) объявление кого-либо из товарищей недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим; 2) объявление кого-либо из товарищей банкротом; 3) смерть товарища – физического лица, ликвидация либо реорганизация юридического лица; 4) отказ от участия в бессрочном договоре; 5) выделение доли по требованию кредитора; 6) истечение срока договора; 7) расторжение договора.

Согласно ст. 1010 ГК РФ, агентский договор прекращается вследствие следующих оснований: 1) отказа одной из сторон от исполнения договора, заключенного без определения срока окончания его действия; 2) смерти агента, признания его недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим; 3) признания индивидуального предпринимателя, являющегося агентом, несостоятельным (банкротом).

Договор поручения прекращается вследствие (см. ч. 1 ст. 977 ГК): 1) отмены поручения доверителем; 2) отказа поверенного; 3) смерти доверителя или поверенного, признания кого-либо из них недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим.

Таким образом, фидуциарные отношения носят высокоперсонифицированный характер, предполагающий личное исполнение договора. Это проявляется в договоре хранения (ст. 895 ГК РФ) или договоре поручения (ст. 974 ГК РФ). К тому же персонифицированность проявляется в том, что во многих фидуциарных договорах отсутствует институт правопреемства, его наличие здесь невозможно.

Следует сделать оговорку о том, что, определяя фидуциарный характер того или иного договора, можно выявить дополнительные признаки, свойственные именно данному договору и характеризующие его как фидуциарную сделку. Заметим, что данные признаки будут являться исключительно факультативными, что означает их наличие только в определенном договоре (например, безвозмездность в договоре безвозмездного пользования), в других же договорах этот же признак (например, безвозмездность) может и не проявляться вовсе.

Таким образом, фидуциарные соглашения долгое время были вне интереса отечественной

науки – из-за формализованности законодательных норм доверительного характера некоторых договоров не замечали. Однако сейчас фидуциарные отношения возвращаются и в юридическую практику, и в цивилистическую доктрину. Возникло большое количество правовых конструкций, в основе которых лежат доверительные отношения. Во многих случаях такие конструкции являются более эффективными, чем конструкции традиционные, без фидуциарного элемента.

Основными достоинствами фидуциарных отношений является мобильность, универсальность и то, что они дают возможность сторонам

быстро отреагировать на изменение ситуации, что очень важно в современных экономических реалиях.

В заключение можно сказать, что обязательными признаками, проявляющимися во всех фидуциарных договорах, будут являться: наличие высокой степени доверия одной стороны договора к другой; длящийся характер отношений; высокоперсонифицированный характер отношений и несовпадение внутренних отношений участников с их внешним выражением; создание фиктивной личности.

Список литературы

1. Вавин Н. Г. Ничтожные сделки / Н. Г. Вавин. – М. : Правовая защита, 1926. – 24 с.
2. Боровая Л. Д. Правовое регулирование фидуциарных (лично-доверительных) отношений // Пробелы в рос. законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 139.
3. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1911. – 662 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
5. Сырбо В. А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Сырбо. – М., 2008. – 216 с.
6. Брагинский М. И. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2002. – 1055 с.
7. Новицкий И. Б. Римское право / И. Б. Новицкий. – М. : Юрид. мир, 2009. – 376 с.
8. Гражданское право : учебник. В 3 т. / под. ред. А. П. Сергеева. – М. : Юрайт, 2012. – Т. 2. – 452 с.
9. Белоусова Е. В. Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / Е. В. Белоусова. – Владикавказ, 2011. – С. 24.
10. Дождев Д. В. Основания защиты владения в Римском праве / Д. В. Дождев. – М. : Ин-т государства и права РАН, 1996. – 238 с.

G. V. Druzhinin

Undergraduate, 2nd Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

Legal Nature of the Fiduciary Relationship

Abstract. This article focuses on fiduciary contracts, little-known legal category in the Russian civil law. The author analyzes the features of fiduciary relationships (contracts), distinguishing them from the main civil law relations. Attention is paid to the key element of fiduciary structures – confidence.

Keywords: fiduciary relationship, a relationship of trust, fiduciary contract, the contract on trust.

К вопросу о понятии, структуре и состоянии компьютерной преступности в России

© Макушев Д. И., 2016

Д. И. Макушев

студент 3-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации; e-mail: makushevdmirij@mail.ru

Научный руководитель:

К. Н. Евдокимов, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Иркутск; e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены теоретические подходы российских ученых к понятию «компьютерная преступность». Сформулировано авторское определение этого понятия, проанализированы структура и состояние данного явления в современной России.

Ключевые слова: компьютерная преступность, киберпреступность, преступления в сфере компьютерной информации, интернет-преступность, компьютерные сети.

По данным исследования, проведенного в 2014 г. компаниями HP Enterprise Security и Ponemon Institute, среднегодовой ущерб от киберпреступлений в России достиг 3,3 млн долл. для организаций; время, уходящее на устранение последствий кибератаки, выросло на 33 %, а ущерб от одной атаки превысил 1,6 млн долл. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть понятия «киберпреступность» и «компьютерная преступность» для более полного понимания сущности данного явления.

В настоящее время существует несколько подходов к определению понятия «компьютерная преступность».

Во-первых, компьютерная преступность – это совокупность преступлений, в которых предметом преступных посягательств выступает компьютерная информация. При этом понятия «компьютерное преступление» и «преступление в сфере компьютерной информации» являются синонимами [1, с. 9].

Во-вторых, компьютерная преступность – это совокупность совершенных на определенной территории за определенный период преступлений (лиц, их совершивших), непосредственно посягающих на отношения по сбору, обработке, накоплению, хранению, поиску и распространению компьютерной информации, а также преступлений с использованием компьютера в целях извлечения материальной выгоды или иной личной заинтересованности [5, с. 39].

В-третьих, компьютерная преступность – это совокупность всех преступлений в сфере «информационных технологий», а не только общественно опасных деяний, предметом которых является компьютерная информация [2, с. 45–46].

В-четвертых, компьютерная преступность – это совокупность преступлений, совершаемых с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети и против компьютерной системы или сети. Данный подход предполагает, что, кроме преступлений в сфере компьютерной информации, компьютерными преступлениями также являются и преступления, связанные с компьютерами. То есть такие традиционные по характеру преступные деяния, совершенные с помощью вычислительной техники, как кража, мошенничество, причинение вреда и другие, за которые предусматриваются уголовные санкции в законодательствах большинства стран [3, с. 18–19].

Между тем в ряде научных работ российских авторов можно встретить упоминание о «киберпреступности», юридическом понятии, которое часто употребляется в научном обороте за рубежом и более полно отражает преступные деяния в сфере компьютерной информации, а также преступления, совершенные с помощью компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий.

Поэтому пятый подход предполагает, что компьютерная преступность является только частью киберпреступности как более широкого понятия.

Например, Т. Л. Тропина считает, что понятие «компьютерная преступность» недостаточно для охвата всех деяний, совершаемых при помощи вычислительной техники, глобальных сетей. Киберпреступность, по ее мнению, – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпростран-

ству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, сетей или данных [6, с. 36].

Схожей позиции придерживается И. Г. Чекунов, предлагая киберпреступность интерпретировать как самостоятельный вид преступности, определяемый на основе обнаружения обязательного присутствия в преступлениях таких признаков объективной стороны, как средство или орудие, в качестве которых выступает вредоносная компьютерная программа или программно-техническое средство, подключенное к компьютерной сети или сотовому оператору связи [8, с. 7].

Таким образом, по нашему мнению, понятие «компьютерная преступность» целесообразно рассматривать в широком и узком значениях.

Компьютерная преступность в узком смысле представляет собой совокупность преступлений, где в качестве непосредственного основного объекта преступного посягательства выступают охраняемые законом общественные отношения в сфере безопасного создания, хранения, обработки и передачи компьютерной информации, а предметом преступления являются компьютерная информация, средства защиты компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети, средства хранения, обработки и передачи компьютерной информации.

Компьютерная преступность в широком смысле представляет собой совокупность преступлений, где основным непосредственным объектом преступного посягательства выступают общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий, безопасного функционирования средств создания, хранения, обработки, передачи, защиты компьютерной информации, но при этом компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети являются не только предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления.

К характерным чертам киберпреступности относят следующие [7, с. 40]:

- уголовная наказуемость деяния и запрещенность его уголовным законом;
- неправомерное использование информационных коммуникационных технологий (ИКТ);
- выход за национальные границы (трансграничность);
- активная динамика использования высоких технологий;
- преступления совершаются скрытно и могут иметь как длящийся, так и разовый, одномоментный характер;
- масштабность правонарушений;
- сложность сбора доказательств и осуществления процессуальных действий;

- большая латентность, проблемы юрисдикционности, экстрадиции;

- субъектом противоправного деяния является интеллектуально развитый и высокопрофессиональный специалист в области ИТ-технологий;

- преступления в основном совершаются для достижения экономических целей и зачастую в особо крупных размерах;

- наличие возрастающей и устойчивой тенденции к «организованности» киберпреступности, групповой характер совершения таких правонарушений.

Отметив основные черты киберпреступности, следует провести классификацию киберпреступлений. Например, по объекту правонарушения выделяют четыре основные группы.

В первую группу преступлений, т. е. преступлений, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, входят «незаконный доступ», «незаконный перехват», «воздействие на компьютерные данные или системы».

Во вторую группу входят преступления, непосредственно связанные с использованием компьютерных средств. К ним относятся «подлог» и «мошенничество с использованием компьютерных технологий».

Третью группу составляют преступления, связанные с содержанием данных. Речь здесь идет о производстве, предложении и (или) предоставлении в пользование, распространении и приобретении, а также владении детской порнографией, находящейся в памяти компьютера.

В четвертую группу вошли преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, к компьютерным преступлениям относятся такие преступные деяния, как:

- 1) неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);
- 2) создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ);
- 3) нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ);
- 4) кража, совершенная с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (ст. 158 УК РФ), и др.

Судя по динамике развития компьютерной преступности, в 2015 г. ожидается рост количества атак на правительственные сайты и сайты средств массовой информации для продвижения социальных и политических идей; рост атак на банкоматы, банки и финансово-кредитные организации; а также увеличение количества зараже-

ний POS-терминалов и мобильных устройств (рис. 1, 2).

Исходя из данной диаграммы (рис. 1), можно наблюдать снижение количества зарегистрированных преступлений, что свидетельствует о латентном состоянии киберпреступности в России.

На графике (рис. 2) прослеживается снижение раскрываемости компьютерных преступлений. Это свидетельствует о трудностях в расследовании дел и поиске виновных лиц.

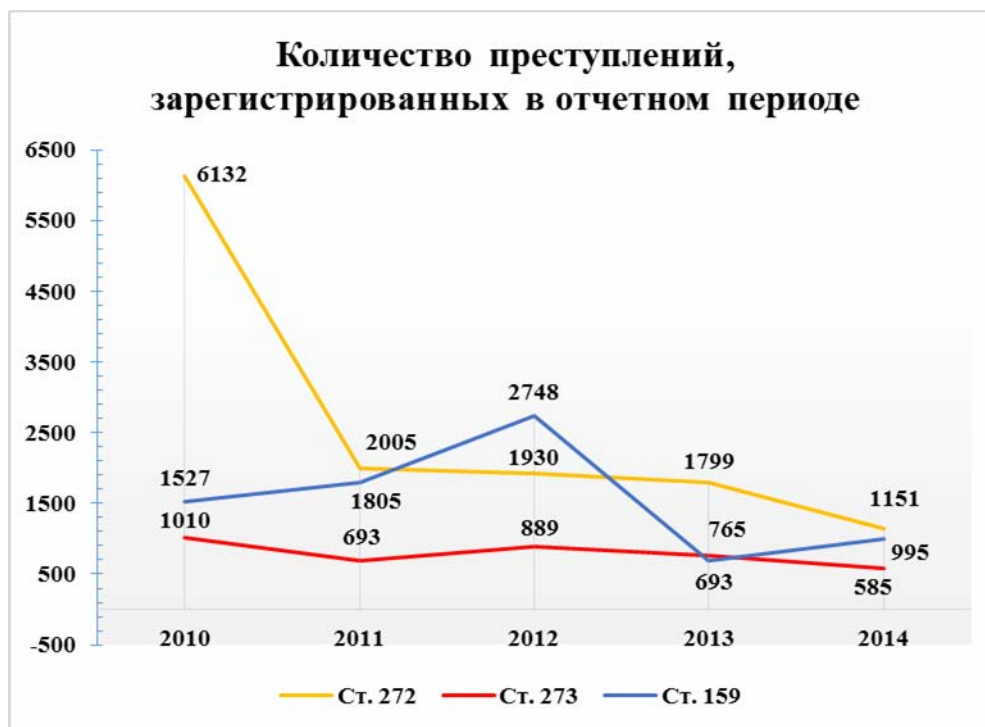

Рис. 1. Динамика числа преступлений, зарегистрированных с 2010 по 2014 г.

Рис. 2. Динамика раскрываемости киберпреступлений

Подводя итог, стоит отметить, что в узком значении понятие «компьютерные преступления» полностью совпадает с установленным законодателем понятием «преступления в сфере компьютерной информации». В широком смысле «компьютерная преступность» больше по объему и содержанию таких понятий, как «киберпреступность», «интернет-преступность», «преступность в сфере компьютерной информации», включая их в себя в качестве составных элементов [4, с. 103–104].

Наиболее подходящим видится определение киберпреступности как совокупности преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, а также против компьютерных систем, компьютерных сетей и компь-

юттерных данных. К киберпреступлению, на наш взгляд, относится любое преступление, совершенное с применением электронных способов и средств.

В связи с тем что киберпреступность имеет трансграничный характер, для эффективного противодействия таким преступлениям необходима организация эффективного взаимодействия различных государств. Также необходимо внутригосударственное сотрудничество в целях противодействия данному явлению. Необходимо совершенствование методик выявления преступлений и способов поиска виновных лиц. Как социальное явление киберпреступность проникает во все сферы жизни общества и в руках умелого пользователя может принести ему большую пользу или существенный вред как отдельным лицам, так и мировому сообществу в целом.

Список литературы

1. Гаджиев М. С. Криминологический анализ преступности в сфере компьютерной информации (по материалам Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Гаджиев. – Махачкала, 2004. – 168 с.
2. Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Добровольский. – М., 2005. – 218 с.
3. Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Жмыхов. – М., 2003. – 178 с.
4. Липинский Д. А. Политические причины как современные факторы эволюции компьютерной преступности в Российской Федерации / Д. А. Липинский, К. Н. Евдокимов // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 101–110.
5. Лопатина Т. М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук / Т. М. Лопатина. – М., 2007. – 60 с.
6. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук / Т. Л. Тропина. – Владивосток, 2005. – 235 с.
7. Чекунов И. Г. Киберпреступность : понятие и классификация / И. Г. Чекунов // Рос. следователь. – 2012. – № 2. – С. 37–43.
8. Чекунов И. Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Г. Чекунов. – М., 2013. – 23 с.

D. I. Makushev

3rd Year Student, Irkutsk law Institute (Branch) Academy of the Prosecutor
General of the Russian Federation

To the Question of the Concept, Structure and Situation of Computer Crime in Russia

Abstract. The article considers theoretical approaches of the Russian scientists to the concept «computer crime» in special literature. The author's definition of the afore-mentioned term is formulated. The author analyzes the structure and situation of this phenomenon in modern Russia.

Keywords: computer crime, cybercrime, crimes in the sphere of computer information, Internet crime, computer network.

Заключение договора с участием потребителя в интернет-пространстве

© Нелюбина А. В., 2016

А. В. Нелюбина

магистрант 2-го курса, Юридического институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: nastya.hk@mail.ru

Научный руководитель:

Р. Ю. Колобов, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы реализации прав потребителя при заключении сделок в сети Интернет. Анализируются особенности потребительских договоров в интернет-пространстве, формы защиты прав потребителя, механизмы удовлетворения претензий потребителя в случае нарушения обязательств в интернет-пространстве.

Ключевые слова: потребительский договор, интернет-договор, защита прав потребителя.

Интернет обладает рядом специфических особенностей, которые влекут определенные последствия при формулировании правил в отношении любого аспекта функционирования Сети. Являясь глобальной информационной средой, которая имеет коммуникационную основу, интернет-пространство представляет собой идеальный инструмент ведения экономической деятельности с использованием новых информационных технологий.

В целом порядок заключения интернет-договоров базируется на классическом порядке заключения гражданско-правовых сделок, за исключением ряда специфических особенностей.

Договор, заключаемый в виртуальном пространстве, выступает договором между отсутствующими. В связи с этим существует несколько возможных вариантов определения момента, с которого оферент принимает обязательства по договору: с момента выражения оферты; с момента направления акцепта; с момента получения акцепта оферентом; с момента прочтения акцепта оферентом [1, с. 85]. Большинство государств признается третий вариант, аналогичное положение закреплено в ГК РФ.

При заключении договоров с помощью интернет-коммуникации сообщение достигает контрагента немедленно, следовательно, направление отзыва акцепта или оферты нецелесообразно. Для потребителя в случае, если он выступает акцептантом, важна безотзывная оферта, а предприниматель соглашается на акцепт, при этом удостоверившись, что потребитель действительно намерен совершить данное действие.

Российский и зарубежный законодатель, в частности немецкий, по-разному подходит к определению статуса сторон.

Согласно немецкому законодательству потребитель, рассматривая товары, представленные к продаже, осознает, что это лишь предложение делать оферты, поскольку может произойти такое, что заказанного товара не окажется в наличии у продавца. При этом заключение договора ставится в зависимость от волеизъявления потребителя, но центральное место занимает согласие поставщика товара или услуги на заключение договора с конкретным пользователем, так как в силу объективных причин исполнение договора может стать невозможным.

Согласно же российскому правому регулированию потребитель считает, что представленный товар олицетворяет собой публичную оферту со стороны предпринимателя.

Так, немецкий потребитель, выразив свою волю к заключению договора, будет ждать акцепта направленной им оферты, российский же, оформляя заказ, полагает, что он совершил акцепт и договор заключен.

Однако зачастую как потребитель, так и предприниматель заинтересованы в том, чтобы в Сети была сделана изначально именно публичная оферта. Исходя из этого, можно сделать вывод, что законодательное императивное закрепление момента заключения интернет-договора с участием потребителя нецелесообразно. В таких случаях возможно предоставление предпринимателю права самостоятельно определять момент, с которого профессиональная сторона становится обязанной по договору, но с тем условием, что информация такого рода должна быть в явной форме и доступно доведена до сведения его контрагента – потребителя до заключения договора.

Учитывая то, что значительное количество договоров с участием потребителя заключается в сети Интернет, необходимо определить механизм законодательного регулирования, который позволит признавать договоры заключенными с момента обмена сторонами информацией в электронном виде. Согласие на совершение сделки достигнуто еще к моменту волеизъявления, а дальнейшие действия выступают в качестве исполнения уже принятых обязательств по договору. Так, существует несколько теорий, которые позволяют отыскать момент заключения договора в Сети. Первая основывается на рассмотрении договора как документа, подписанного электронной цифровой подписью или ее аналогом, вследствие чего такой документ получает статус равнозначного документу, подписанному собственноручно. Следовательно, момент заключения договора определяется моментом обмена электронными сообщениями, составляющими само соглашение. Вторая теория основывается на использовании аналога собственноручной подписи, где в качестве аналога может применяться наименование стороны с указанием в публичной оферте на то, что стороны признают обмен электронными сообщениями с текстовой подписью в качестве аналога собственноручной равнозначным обмену письменными сообщениями и действительно намерены заключить договор.

Ни один из указанных подходов в полной мере не отражает обоснованность их применения. Главным препятствием на пути заключения интернет-договоров с участием потребителя является техническая проблема идентификации сторон. К примеру, при обмене электронными сообщениями при заключении сделки стороны определяются при помощи электронной подписи, такая сделка будет считаться заключенной. В Германии нет требования к письменной форме сделки, для текстовой формы достаточно того, что потребитель был надлежаще осведомлен о правах.

Если же дистанционное заключение договоров с участием потребителя при помощи сети Интернет, как было выше указано, укладывается в традиционные рамки заключения гражданско-правовых сделок, то новые возможности виртуального пространства позволяют потребителям не просто вступать в договорные отношения с предпринимателями, но и непосредственно участвовать в формировании цен на товары. Такая возможность реализуется посредством взаимодействия потребителя с контрагентами в рамках онлайн-аукционов.

В России законодательная база, регламентирующая отношения между сторонами договора, заключенного посредством онлайн-аукциона, отсутствует, что выступает отрицательным фактором воздействия на развитие интернет-

аукционов в нашей стране. Анонимность, трансграничный характер заключаемых сделок, ряд рисков для пользователя – все это является причиной недоверия в использовании подобных способов заключения потребительских интернет-договоров.

Процедура заключения сделок посредством онлайн-аукциона включает в себя следующее. Для участия в аукционе пользователю необходимо пройти регистрацию, сообщив достоверные данные, что, как правило, проверяется сотрудниками или автоматическими системами компании, организующей аукцион. При этом у пользователя необходимо наличие счета в какой-либо платежной системе или кредитной карты. Со стороны продавца же необходимо для того, чтобы выставить товар на продажу, сделать описание товара и предоставить его фотографии, указать в специальной форме стартовую цену, шаг аукциона и время для открытия аукциона, кроме того, требуется указать условия, при которых продавец согласен отправить товар и принять его оплату. После чего пользователям становится видно все то, что продавец выставил на аукцион. После того как кто-либо из пользователей сделает наибольшую ставку на момент завершения аукциона, договор между данным пользователем и продавцом считается заключенным, впоследствии стороны связываются по электронной почте или при помощи иного средства связи для уточнения условий поставки и оплаты товара.

Как в российском, так и в немецком законодательстве при отсутствии специального регулирования интернет-аукционов предполагается применение общих положений о торгах. Применение российских норм о торгах относительно онлайн-аукционов затруднительно в силу жесткости процедуры касательно участия потребителя в подобных отношениях, которая включает: направление извещения о проведении торгов; внесение задатка; подписание в день проведения торгов победителем и организатором протокола – все перечисленное отрицательно воздействует на теоретическую возможность проведения онлайн-аукционов. Судебная же практика Германии идет по иному пути, исключая из сферы применения общие положения о торгах относительно интернет-аукционов, разрешая споры в каждом конкретном случае.

Возникновение проблем, связанных с действительностью волеизъявления, определением личности участвующих в аукционе сторон, возможность отмены договора, а также проверка рейтингов участников выступают существенными факторами, свидетельствующими в пользу принятия специфического механизма регулирования указанных отношений. При этом необходима разработка критериев допустимости отсту-

пления от общих положений о проведении торгов (приобретение товаров для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью; приобретение товара без цели систематического извлечения прибыли; проведение аукциона по продаже товаров или оказанию услуг организатором посредством электронных торгов) [2, с. 23].

При заключении потребительских интернет-договоров между сторонами может возникнуть еще один субъект – посредник. В целом посредничество при дистанционных договорах с участием потребителя бывает трех видов: при выборе контрагента по договору; при заключении договора; при исполнении договора. Первый вид подразумевает исключительно предоставление информации, при помощи которой потребитель выбирает удовлетворяющий его внутренним требованиям товар или услугу, при этом основываясь в своем выборе на данных критериях (цене, характеристиках и т. д.). При этом посредник не участвует в договорных отношениях между сторонами. Примером такой формы участия является «Яндекс.Маркет», который содержит подборки разного рода товаров по категориям, кроме того, на нем имеется автоматизированная система экспертной оценки представленных товаров. На сайте доступна информация о ценах на товары, предоставлена возможность их сравнения, а также информация о наличии в магазинах или же возможности сделать заказ.

Кроме подобных систем поиска и подбора товара, существуют специальные посредники, выступающие партнерами дистанционных предпринимателей. В роли такового, к примеру, выступает компания ОТТО – «интернет-магазин ОТТО предлагает одежду, обувь и аксессуары ведущих европейских брендов, а также товары для дома и интерьера». Данный интернет-магазин не принадлежит одному конкретному продавцу, сайт содержит подборку товаров различных производителей, при этом посреднические функции выражаются не только в предоставлении информации, но и в юридическом со-

провождении договорных отношений между потребителем и продавцом – предоставление услуг по содействию в приобретении товара третьей стороны.

Вторым видом посреднических услуг выступает посредничество при заключении договора. Такое имеет место при непосредственном участии посредника. Относительно потребительских отношений существуют две разновидности: интернет-аукционы и посредничество при приобретении товаров по каталогам.

И третья разновидность подразумевает участие посредника при исполнении договора. Примером подобного выступает ситуация, когда потребитель заказал посредством интернет-сайта товар или услугу, но доставку его осуществляет иное лицо.

Так, при рассмотрении указанных видов возникает логичный вопрос об обязательствах и ответственности за их неисполнение – будет ли такой посредник ее нести. В случае специфического посредничества правовая природа подобных отношений достаточно запутанна, поскольку считать сделку реальной невозможно, однако ее условия сторонами вполне четко и ясно определены. В случае с посредничеством при заключении договора законодательно нет четкого закрепления возложения материальной ответственности на подобного посредника, но возможны ситуации добровольного взятия на себя обязательств со стороны подобных посредников. И, наконец, третий вид предполагает возможность предъявления претензий третьему лицу как исполнителю обязательств по поставке предмета договора.

Таким образом, порядок заключения договоров с участием потребителя, заключаемых в интернет-пространстве, подразумевает порядок общего регулирования дистанционных договоров, однако в зависимости от конкретного способа заключения такого договора в сети Интернет появляются специфические особенности относительно момента заключения, формы договора и идентификации его сторон.

Список литературы

1. Иеринг Р. Юриспруденция обыденной жизни / Р. Иеринг. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1881. – 87 с.
2. Зак А. Ю. Гражданско-правовые проблемы участия потребителей в дистанционных договорах в России и за рубежом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Зак. – М., 2011. – 27 с.

A. V. Nelyubina

Undergraduate, 2nd Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

Signing the Contract with the Consumer Internet Space

Abstract. The article is devoted to the problems of implementing the rights of consumers in transactions on the Internet. The features of consumer contracts in the Internet space, forms of consumer protection mechanisms to meet customer claims, in case of violation of obligations in the Internet space.

Keywords: consumer contract, online contract, consumer protection.

Проблемы производства дознания в сокращенной форме

© Оглобина Е. Д., 2016

Е. Д. Оглобина

студентка 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: batorikate@gmail.com

Научный руководитель:

М. А. Митюкова, старший преподаватель кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: mitukova@lawinstitut.ru

Аннотация. Рассматриваются основные положения гл. 32.1 УПК РФ, посвященной новой форме предварительного расследования – дознанию в сокращенной форме. Приводятся доводы, подтверждающие необходимость введения изменений в объем прав участников процесса, а именно потерпевшего и его представителя, в порядок и условия удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: изменения в УПК РФ, дознание в сокращенной форме, сокращенное производство, права потерпевшего.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ввел ряд новшеств, основным из которых стало введение новой формы предварительного расследования, дознания в сокращенной форме. Прежде всего изменения были направлены на экономию сил и средств органов предварительного расследования по расследованию уголовных дел. Актуальность выбранной тематики нашего исследования обусловлена тем, что в результате введенных изменений на практике возникли проблемы с применением норм данного института, которые в первую очередь связаны с отсутствием единого подхода к применению норм, а также отсутствием акта официального толкования высшего судебного органа.

Характерной чертой стадии возбуждения уголовного дела в форме сокращенного дознания является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, следовательно, большая часть необходимых обстоятельств совершенного преступления устанавливается на данной стадии. Для этого законодатель расширил способы проверки сообщения о преступлении. В частности, предусмотрел в ч. 1, 1.2 ст. 144 УПК РФ, что полученные материалы, например объяснения лиц, могут в дальнейшем использоваться в качестве доказательств.

Таким образом, дознаватель уже на стадии возбуждения уголовного дела оперирует всеми необходимыми доказательствами, что является не совсем верным, так как проверка сообщения о преступлении в первую очередь направлена на

установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а не на собиранье доказательств. Также необходимо полно урегулировать вопрос о порядке проведения таких процессуальных действий, как получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, изъятие предметов и документов, предусмотренных в порядке рассмотрения сообщения о преступлении, равным образом надлежит закрепить правовой статус лиц, участвующих в таких процессуальных действиях.

Поскольку в рамках статьи все проблемы осветить невозможно, мы осветим только некоторые из них, непосредственно касающиеся производства расследования в сокращенной форме дознания.

Дознание в сокращенной форме начинается с момента удовлетворения письменного ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, именно с этого момента уголовно-процессуальный закон связывает начало течения процессуальных сроков, что отличает его от предварительного следствия и дознания в общем порядке. В соответствии с ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ для производства дознания в сокращенной форме необходимо соблюдение следующих условий:

1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, подведомственных дознавателям;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

На практике часто встречаются случаи возвращения уголовных дел на стадии судебного производства прокурору в связи с нарушением п. 2 данной статьи. Так, Икрянинским районным судом Астраханской области по результатам предварительного слушания судья возвратил уголовное дело прокурору для производства дознания в общем порядке, мотивируя это тем, что несогласие подсудимого М. с объемом предъявленного обвинения, т. е. с характером и размером причиненного преступлением вреда, свидетельствует об отсутствии указанных в ст. 226.1 УПК РФ оснований для производства дознания в сокращенной форме, что препятствует постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора. В этой связи дальнейшее производство по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, является невозможным, а потому уголовное дело подлежит возвращению прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке [8];

3) отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 настоящего кодекса обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

В юридической литературе вполне обоснованно подвергается критике первое условие – удовлетворение ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. Например, В. Кальницкий указывает на то, что основания этого решения в законе четко не определены и выбор того, как возбудить уголовное дело (в отношении лица или только по факту совершения преступления), зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителей [4, с. 84]. Поэтому можно говорить о том, что в этой части уголовно-процессуальный закон ущемляет право на дознание в сокращенной форме подозреваемого, так как не всегда представляется возможным возбудить дело в отношении конкретного лица, что приведет к необоснованному отказу в удовлетворении такого ходатайства. (Например, в ситуации, когда после возбуждения уголовного дела устанавливается лицо, подозреваемое в совершении преступления.) Для преодоления таких препятствий необходимо изменить данное условие в следующем варианте: «наличие возбужденного уголовного дела по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в пункте 1 части 3 статьи 150 настоящего Кодекса».

Второе условие производства дознания в сокращенной форме, которое предусматривает, что подозреваемый должен признать свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривать правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, также имеет свои упу-

щения. Законодатель не предусмотрел ситуацию в случае изменения квалификации деяния, так как правовая оценка деяния, закрепленная в постановлении о возбуждении уголовного дела, неокончательная и может быть подвергнута изменениям. К. Муравьев отмечает, что половина дознавателей, сотрудников прокуратуры и судей считают, что изменение в правовой квалификации деяния в рамках сокращенного дознания невозможно и что потребуются перейти на обычный порядок дознания. Таким образом, соглашаясь с новой правовой оценкой, подозреваемый выражает свое несогласие с квалификацией, данной в постановлении о возбуждении уголовного дела, и поэтому дальнейшее производство дознания в сокращенной форме невозможно [5, с. 104].

Также УПК РФ предусматривает обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме. В соответствии с ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, «дознание не может производиться в сокращенной форме в следующих случаях:

1) подозреваемый является несовершеннолетним;

2) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 настоящего Кодекса;

3) подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 настоящего Кодекса;

4) лицо подозревается в совершении двух или более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в пункте 1 части третьей статьи 150 настоящего Кодекса;

5) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;

6) потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме» [1, с. 4921].

Вместе с тем в УПК РФ содержится такое понятие, как «обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме» в п. 2 ч. 3 ст. 226.1, но при этом данный термин не раскрывается. Конечно, оба термина взаимосвязаны, но не тождественны, так как обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, носят безусловный характер в отказе в удовлетворении ходатайства, т. е. независимо от воли дознавателя, он обязан отказать в производстве сокращенного дознания, тогда как обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме, являются оценочным понятием. В частности, предлагается выделять следующие:

1) когда дознаватель не убежден в причастности подозреваемого к совершению преступления. Например, в случае самооговора;

2) в случае обязательного назначения судебной экспертизы, для производства которой потребуются длительные, превышающие отведенные на сокращенное дознание, сроки;

3) если на момент заявления ходатайства подозреваемого в значительном объеме выполнены следственные действия и собранные доказательства достаточны для окончания предварительного расследования с обвинительным актом [5, с.101].

Подозреваемый имеет право заявить ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме не позднее двух суток с момента, когда такое право и его правовые последствия ему были разъяснены перед началом первого допроса. Вместе с тем несоблюдение дознавателем данной обязанности является существенным нарушением УПК РФ, и суд может вернуть дело прокурору для производства дознания в общем порядке.

Так, судья Поронайского городского суда Сахалинской области возвратил уголовное дело прокурору ввиду следующих нарушений уголовно-процессуального закона. Как следует из материалов уголовного дела, обстоятельств, исключаящих производство дознания в сокращенной форме, предусмотренных ст. 226.2 УПК РФ, по делу не имеется, в то же время дознаватель перед первоначальным допросом подозреваемой К. данное право ей не разъяснил. Не было этого сделано и при дальнейшем расследовании уголовного дела. Принимая во внимание, что в соответствии с ч. 5 ст. 62 УК РФ и ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ, неразъяснение подозреваемому положений гл. 32.1 УПК РФ существенно нарушает его право на защиту, что также является препятствием для производства дознания в сокращенной форме [9].

Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме должно быть подано дознавателю в письменной форме и подписано самим подозреваемым и его защитником. Такое заявление подлежит рассмотрению в срок, не позднее 24 часов с момента поступления. По результатам рассмотрения данного ходатайства дознаватель выносит одно из следующих решений в форме постановления:

1) об удовлетворении ходатайства и производстве дознания в сокращенной форме;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме.

Немаловажным остается вопрос об удовлетворении ходатайства подозреваемого: в случае, если были соблюдены все условия для производства дознания в сокращенной форме, то удовлетворение ходатайства является правом или обязанностью дознавателя? На данный вопрос ни в теории, ни на практике не дается однозначного ответа. В частности, ряд исследователей считает, что в основе сокращенного дознания лежит

«делка» между сторонами обвинения и защиты. И в данном случае удовлетворение или отказ в удовлетворении ходатайства — это право дознавателя. Другая часть правоприменителей полагает, что отказ в удовлетворении ходатайства подозреваемого при соблюдении всех условий, по существу, является ограничением прав подозреваемого на сокращенное дознание [5, с. 103]. Но при этом у подозреваемого остается право на обжалование данного постановления в порядке, предусмотренном гл. 6 УПК РФ, поэтому об ущемлении прав подозреваемого говорить не приходится.

В случае удовлетворения такого ходатайства дознаватель должен уведомить в течение 24 часов прокурора и потерпевшего, в уведомлении которого должен быть разъяснен порядок, правовые последствия и право на возражение на производство дознания в сокращенной форме.

Следует отметить, что, толкуя норму п. 6 ст. 226.2 УПК РФ, можно говорить о том, что для удовлетворения ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме необходимо согласие потерпевшего, но при этом законодатель не предусмотрел обязанность дознавателя уведомить потерпевшего при поступлении такого ходатайства. Данная обязанность предусмотрена только по окончании принятия решения. Поэтому выразить возражение потерпевшим еще на этапе подачи ходатайства невозможно. Таким образом, разъяснение потерпевшему права на возражение производства дознания в сокращенной форме должно предшествовать принятию решения.

Однако необходимо учитывать положение ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, в соответствии с которым также предусмотрено право потерпевшего заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. И в случае удовлетворения такого ходатайства данного лица дознание будет проводиться в общем порядке.

Как показала практика, предоставление такого права приводит к затягиванию процесса, а последующее собирание и исследование доказательств усложняется. Так, за 2014 г. из 47 уголовных дел, возвращенных прокурорами и судами для производства дознания в общем порядке, 83 % (39) уголовных дел поступили в структурные подразделения территориальных органов ФССП России в связи с заявленными ходатайствами о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке [2].

Также в ст. 226.3 УПК РФ отсутствует требования к ходатайству потерпевшего. Например, должно ли оно быть мотивировано? При буквальном толковании данной нормы можно счи-

тать, что в любой ситуации, независимо от причин, потерпевший может прекратить производство дознания в сокращенной форме и перевести его на общий порядок. Тем самым законодатель необоснованно расширил права потерпевшего в отношении прекращения сокращенного дознания, сводя на нет всю проделанную работу правоприменителей.

Нововведения в УПК РФ, целью которых стало сокращение процессуальных сроков, нашли свое отражение в институте доказательств и доказывании. В частности, дознавателю предоставлены следующие права при собирании и проверке доказательств:

1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев:

а) необходимости установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств;

б) необходимости проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

в) наличия предусмотренных ст. 196 УПК РФ оснований для обязательного назначения судебной экспертизы;

4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведе-

ния отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом.

Ряд авторов подвергает критике предоставленное дознавателям право не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником. В обоснование этого утверждения приводится следующее: «Данная возможность вступает в противоречие с основополагающим принципом теории доказывания, а именно с недопустимостью придания любым доказательствам заранее установленной силы, и в качестве такого доказательства выступает полное признание своей вины подозреваемым». Может сложиться ситуация, при которой суд может вынести обвинительный приговор практически на основании непроверенных доказательств. Так, А. Е. Доля отмечает, что решение по уголовному делу судьи будет основано не на результатах осуществленного им познания в форме процедуры дознания, а фактически на вере в сведения, полученные еще до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении, вере в правдивость признания обвиняемым своей вины [3, с. 45].

Однако не все исследователи поддерживают данную точку зрения. Согласно мнению И. А. Попова, опасения в отношении доказательств не вполне обоснованы, так как в соответствии с п. 1 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ у обвиняемого и его защитника до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела предусмотрено право заявить ходатайство о признании доказательств недопустимыми. Также при наличии достаточных оснований полагать о наличии самоговора обвиняемого судья может вынести постановление о возвращении уголовного дела прокурору для производства дознания в общем порядке [6, с. 21].

Как видим, введенные изменения в уголовно-процессуальный закон, а именно установление новой формы предварительного расследования, дознания в сокращенной форме, являются попыткой законодателя снизить нагрузку с правоприменителей, ускорить процесс и тем самым уменьшить расходы на расследование и рассмотрение в судах уголовных дел. Однако присутствуют недостатки, которые могут осложнить процесс, затянуть его на большие сроки, чем производство в обычном порядке.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 52 – Ст. 4921.
2. Информация по производству территориальными органами ФССП России дознания в сокращенной форме за период 2014 г. в сравнении с 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fssprus.ru/2133945/>.
3. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е. А. Доля // Рос. судья. – 2013. – № 6. – С. 43–45.

4. Кальницкий В. В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования / В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев, Д. А. Воронов // Уголов. право. – 2013. – № 3. – С. 81–85.
5. Муравьев К. В. Обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме, как основания для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого // Уголов. право. – 2014. – № 6. – С. 101–106.
6. Попов И. А. Дознание в сокращенной форме: достоинства, недостатки и первые результаты // Уголов. судопроизводство. – 2013. – № 3. – С. 19–22.
7. Постановление Икрянинского районного суда Астраханской области от 25 марта 2014 г. по обвинению Макарова В. В. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com/court-ikryaninskij-rajonnyj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-450055341>.
8. Постановление Поронайского городского суда Сахалинской области от 29 июля 2014 г. по обвинению Кислицыной М. А. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com/court-poronajskij-gorodskoj-sud-saxalinskaya-oblast-s/act-519094466/>.

E. D. Ogloblina

3rd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Problems of the Inquiry in an Abbreviated Form

Abstract. This paper examines the main provisions of Chapter 32.1 of the Code, dedicated to a new form of preliminary investigation, inquiry in an abbreviated form. Arguments supporting the need to introduce changes in the scope of the rights of participants in the process, namely, the victim and his representative in the procedure and conditions meet the request of the suspect of the inquiry in an abbreviated form.

Keywords: changes in the Code of Criminal Procedure, an inquiry into the reduced form, reduced production, the rights of victims.

Проблема определения бенефициаров юридического лица по законодательству России

© Сафарбаков В. А., 2016

В. А. Сафарбаков

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: safarbakov.viktor@mail.ru

Научный руководитель:

К. С. Безик, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: bzk85@yandex.ru

Аннотация. Поднимается проблема определения итоговых бенефициаров юридических лиц по действующему законодательству Российской Федерации, или проблема снятия «корпоративной вуали». Рассматривается Проект федерального закона № 47538-6 в части, посвященной снятию «корпоративной вуали», а также существующая судебная практика определения бенефициаров юридического лица. Делаются выводы, и даются предложения о дальнейшем развитии данного института.

Ключевые слова: «корпоративная вуаль», бенефициары юридических лиц, Проект федерального закона № 47538-6.

Со времен римского права конструкция юридического лица давала его участникам одну из главных гарантий безопасной деятельности в экономическом обороте – гарантию самостоятельной имущественной ответственности юридического лица независимо от имущества его участников. В то же время на протяжении всей истории развития юридических лиц продолжались споры об их сущности, были сформированы две основные концепции юридических лиц – реалистическая и фикционная. Именно представители последней концепции традиционно считают, что юридическое лицо – это не более чем юридическая иллюзия, группа лиц (или одно лицо), действующая под корпоративной маской не существующего в реальном мире субъекта правоотношений [1]. Оба подхода так или иначе проявлялись и находили развитие в законодательстве различных стран, приспособившись под конкретные условия социальной действительности. Как известно, Российская Федерация с 90-х гг. XX в. развивалась по пути либерализации, поощрения развития предпринимательства, что отражалось в том числе в гражданском законодательстве. Однако на протяжении последних лет наблюдается обратная тенденция – к усилению государственного контроля за участниками экономического оборота. В связи с этим становится актуальным вопрос о пределах ответственности юридических лиц, вплоть до значительного расширения оснований для личной ответственности их участников и (или) учредителей либо иных лиц, имеющих возможность влиять на решения общества, т. е. вопрос снятия «корпоративной вуали».

Отметим, что словосочетание «корпоративная вуаль» используется в странах с англосаксонской правовой системой, где имеется даже специальный термин – PCV «Piercing the corporate veil» [2]. Это не удивительно, с учетом того, что правопорядки государств с рыночной экономикой на всем пути своего развития разработали множество способов и форм, которыми достигается обеспечение общественно значимых интересов [3].

Не секрет, что ГК РФ изначально закреплял возможность субсидиарного привлечения учредителей юридического лица к ответственности в ряде случаев: при несостоятельности юридического лица, вызванной действиями учредителей (участников) юридического лица, имеющих право давать обязательные для этого юридического лица указания в случае недостаточности имущества юридического лица (п. 3 ст. 56 ГК РФ) [4]; при наступлении ответственности основных обществ по обязательствам дочерних обществ (ст. 105 ГК РФ). Подробное регулирование субсидиарной ответственности контролирующего юридического лица должника получило отражение в специальном законодательстве о несостоятельности (банкротстве), акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью. Таким образом, можно сказать, что снятие «корпоративной вуали» в РФ не является чем-то принципиально новым. Так, прецеденты привлечения бенефициаров, не связанных формальными основаниями возможности управления подконтрольных им фирм, имелись в арбитражной практике уже с 2005 г. [5]. Некоторые из таких дел вызвали немалый общественный резо-

нанс. Вопрос о снятии «корпоративной вуали» рассматривал Высший Арбитражный Суд РФ. Так, Президиум ВАС РФ в Постановлении от 24 апреля 2012 г. № 16404/11, определяя компетенцию российского суда на рассмотрение спора, не счел доказанным факт создания филиалов, представительств обществ «Парекс банк» и «Цитаделе банк» на территории РФ в соответствии с требованиями законодательства [6]. Важность данного судебного процесса в том, что ВАС РФ прямо упомянул термин «срывание корпоративной вуали», рассматривая вопрос о статусе двух формально независимых компаний, и сослался на практику Суда справедливости Европейского союза. В частности, ВАС РФ указал: «Предпринимательскую деятельность на территории РФ осуществляют именно ответчики, используя аффилированных лиц (доктрина срывания корпоративной вуали)».

Заметим, что практика определения итогового собственника в публично-правовых отношениях также существует довольно долго. Яркий пример ее применения в налоговой сфере – дело «ЮКОСа» о сокрытии многомиллиардных сумм налоговых платежей, инициированное Федеральной налоговой службой в 2003 г. В то же время в связи с частым нахождением бенефициаров в экономических офшорах их определение в ряде случаев бывает довольно проблематичным даже для правоохранительных органов.

В результате реформы гражданского законодательства и вступления в силу Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ статьи об ответственности юридических лиц претерпели значительные изменения вплоть до полной утраты силы некоторых из них. Вместо двух статей о дочерних и зависимых обществах появилась ст. 53¹ ГК РФ.

Нельзя не сказать, что до принятия гл. 4 ГК РФ в ее современном виде законодатель на стадии разработки и принятия закона всерьез рассматривал возможность расширения привлечения бенефициаров по обязательствам компании. Так, в первоначальной редакции Проекта федерального закона № 47538-6 присутствовали ст. 53³, 53⁴, называвшиеся соответственно «Лица, контролирующие юридическое лицо» и «Ответственность лиц, контролирующих юридическое лицо». Указанные статьи находились в связи со ст. 52² (аффилированность), которая также была значительно шире по сравнению с ее нынешним видом. Так, данная статья определяла критерии аффилированности, давала суду возможность расширительного толкования для ее применения. Статья 53³ вводила понятие контролирующего и подконтрольного юридического лица через следующее определение: «Лицо считается контролирующим (контролирующее лицо) юридическое лицо (подконтрольное лицо), если это

лицо прямо или косвенно (через третьих лиц), самостоятельно или совместно со своими связанными (аффилированными) лицами имеет возможность определять действия (решения) такого юридического лица». Вводился перечень оснований для признания лица контролирующим. Статья 53⁴ устанавливала солидарную ответственность контролирующего лица с подконтрольным, возникающую из совершенных им действий, в том числе сделок, или бездействия в ряде случаев, в том числе, когда «совершение действий направлено на ограничение ответственности контролирующего лица, которую оно понесло бы, если бы действия были совершены самим контролирующим лицом, и при этом такими действиями причинен вред другому лицу». Часть 4 статьи устанавливала: «Солидарно с контролирующим лицом несут ответственность лица, через которых данное лицо осуществляет контроль, а также лица, совместно с которыми данное лицо осуществляет контроль» [8].

Как несложно заметить, указанные статьи, а особенно ст. 53⁴, вводили самую настоящую возможность привлечения к ответственности контролирующих лиц за действия подконтрольных независимо от их организационно-правовой формы (включая и физических лиц), т. е. положения снятия «корпоративной вуали» вводились непосредственно в часть первую ГК РФ. Впрочем, в ходе рассмотрения указанного законопроекта данные статьи в итоговую редакцию не вошли. В таблице поправок к Проекту федерального закона № 47538-6 указываются, в частности, следующие причины: «Можно констатировать, что нормы об аффилированности лиц в ст. 53² проекта являются *искусственным соединением юридически разнородных правил, действие которых выходит за рамки предмета ГК РФ*»; «...что касается положений ст. 53³ о контроле за юридическим лицом в том, что указанные положения представляются достаточно неопределенными и весьма неудачно заменяют формулировки ст. 105 и 106 действующего ГК РФ о дочерних и зависимых обществах... Очевидно, что речь здесь идет *исключительно о корпорациях в форме хозяйственных обществ* – акционерных и с ограниченной ответственностью, в общие положения о которых можно было бы поместить некоторые из рассматриваемых правил. В любом случае можно констатировать, что они не имеют общего значения ни для всех юридических лиц, ни даже для всех корпораций, а потому находятся явно не на своем месте и не в том законопроекте» и наконец: «Вызывает серьезные сомнения и обоснованность содержания правил об ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо (ст. 53⁴ проекта изменений ГК РФ). Действия или бездействие «во исполнение указаний контролирующего лица» практически трудно

доказуемы, что подтверждают оставшиеся бесплодными попытки применения аналогичной действующей нормы п. 1 ст. 105 ГК (ст. 6 законов об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью)» [9]. Как видно, многие из объяснений вызывают серьезные сомнения, а их аргументация явно недостаточна. Например, объяснение «неудачности» ст. 53³ со ссылкой на впоследствии отмененные ст. 105 и 106 ГК РФ или критика нормы из-за трудной доказуемости указанных в ней обстоятельств могут вызывать только недоумение.

Практически не претерпела изменений и вошла состав Кодекса только ст. 53¹, устанавливающая ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица. Во многом статью можно рассматривать как продолжение ответственности органов юридического лица перед учредителями (участниками) юридического лица. «Осколком» от концепции «снятия вуали» являются п. 3–4 статьи, устанавливающие обязанность лица, фактически имеющего возможность определять действия юридического лица, действовать разумно и добросовестно, в противном случае такое лицо несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что целостного развития в обновленном ГК РФ концепция снятия «корпоративной вуали» так и не получила в силу, скорее всего, субъективных причин. Оставшиеся нормы навряд ли будут широко применяться для привлечения бенефициаров юридических лиц к субсидиарной ответственности. В то же время снятие «корпоративной вуали» в публичных правоотношениях вполне возможно и, скорее всего, будет применяться судами по обращениям соответствующих органов с учетом специфики каждого конкретного случая.

В заключение хотелось бы обозначить наиболее целесообразный, по мнению автора, путь

развития концепции снятия «корпоративной вуали» в отечественном законодательстве.

1. При снятии «корпоративной вуали» всегда происходит конфликт принципов ограниченной ответственности бенефициаров юридических лиц с принципом законности и равенства кредиторов. Склонение чаши весов в любую из указанных сторон гарантированно приведет к отрицательным последствиям, при этом давать неограниченное право судам на привлечение бенефициаров к ответственности также не является предпочтительным. Представляется, что было бы логичным ввести закрытый перечень случаев, допускающих возможность снятия «корпоративной вуали» с юридического лица (например, при привлечении к ответственности бенефициаров юридического лица, действующего на территории РФ, но зарегистрированного в офшорной юрисдикции; при выявлении факта фиктивного банкротства; при привлечении к ответственности контролирующего лица и т. д.).

2. Учитывая практические трудности, которые часто возникают при нахождении бенефициаров юридического лица, целесообразно обязательное раскрытие хозяйственными обществами своих итоговых бенефициаров в информационных центрах наподобие уже существующих центров по раскрытию корпоративной информации эмитентами ценных бумаг (включая раскрытие информации обществами с ограниченной ответственностью, так как указанная организационно-правовая форма наиболее часто используется для всевозможных злоупотреблений).

3. Снятие «корпоративной вуали» должно быть более доступным для сторон, участвующих именно в частноправовых отношениях, не отягощенных публичным элементом (налоговым, антимонопольным, уголовным и т. д.), в то же время во избежание злоупотреблений желательно ограничить указанное правомочие сторон рядом правил, например аналогичных действующим требованиям по признанию сделок недействительными (эстоппель, добросовестность заявителя и т. д.).

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая [Электронный ресурс] : принят Госдумой 30 нояб. 1994 г. (ред. от 02. 07. 2013) // Собр. законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. – № 32. – Ст. 3301.
2. О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Проект федер. закона № 47538 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. / Ф. К. Савиньи ; пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М. : Статут, 2012. – Т. 2. – 328 с.
4. Ламбаев Ж. Т. Общие положения о коммерческих организациях с государственным участием в зарубежном праве / Ж. Т. Ламбаев // Сиб. юрид. вестн. – 2014 – № 4. – С. 81.
5. Шиткина И. С. Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2013 – № 2. – С. 12.

6. URL:<http://www.komitet210.km.duma.gov.ru/site.xp/052052124054052053>.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2005 г. по делу № Ф09-2962/04 [Электронный ресурс] // Росправосудие. – URL: <https://rospravosudie.com/>.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 апр. 2012 г. № 16404/11 по делу А40-21127/2011 [Электронный ресурс]. – URL: my.arbitr.ru/#index.

V. A. Safarbakov

Undergraduate, 1st Year of Study, Law Institute, Irkutsk State University

The Problem of Finding the Beneficiaries of Legal Entities in Russian Legislation

Abstract. The article are dedicated the problem of finding the final beneficiaries of legal entities according to the legislation of Russian Federation or the problem of «Piercing the corporate veil». The article presents the part of the bill of Federal law N 47538-6 dedicated «Piercing the corporate veil» and existing practice of finding the final beneficiaries. The author make conclusions and suggestions about further development of this institution.

Keywords: corporate veil, beneficiaries of legal entities, the bill of Federal law N 47538-6.

Корпоративные отношения в гражданском праве России

© Н. С. Чигринский, 2016

Н. С. Чигринский

студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет;
e-mail: tchigrinsky@yandex.ru

Научный руководитель:

К. С. Безик, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: bzk85@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения природы корпоративных отношений в гражданском праве России. Анализируются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, ряда федеральных законов. Автор приходит к выводу о специфическом составе корпоративных отношений, необходимости реформирования законодательства в сфере корпоративного права.

Ключевые слова: корпоративное право, корпорация, гражданское право.

На сегодняшний день вопрос о корпоративных отношениях в гражданском праве России является одним из самых спорных и обсуждаемых. В первую очередь это связано с принятым Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Одно из нововведений данного закона следующее: «Абзац первый пункта 1 статьи 2 после слова «регулирует» дополнить словами «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)» [1]. Таким образом уточнен круг отношений, регулируемых гражданским законодательством. Теперь в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) прямо закреплены отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (далее – корпоративные отношения).

Прежнее отсутствие закрепления вышеуказанных правоотношений в ГК РФ, конечно же, не говорит об их отсутствии вообще в обществе. Например, ещё О. А. Красавчиков в своей работе «Гражданские организационно-правовые отношения» не был согласен с классификацией отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования, на имущественные, связанные с ними личные неимущественные отношения, неимущественные отношения по защите неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ. По его мнению, данное разделение правоотношений на виды недостаточно полно отражает все стороны соответствующего предмета и, в частности, те отношения, которые не относятся ни к имущественным, ни к личным, а являются организационными. Поэтому все иные отношения автор обозна-

чил как «организуемые» [2]. Следует также упомянуть точку зрения Р. З. Лившица, который предложил выделять три группы отношений, составляющих предмет правовых отраслей: имущественные, личные и организационные (или управленческие) [3]. Однако не стоит забывать, что данные точки зрения были выдвинуты ещё во время существования Советского Союза, поэтому их важно отметить как некие «предпосылки» для необходимости внедрения нового вида правоотношений в предмет гражданского права России.

Прежде всего нужно раскрыть понятие корпоративных отношений в нынешнем гражданском праве РФ. В литературе на эту тему высказаны различные точки зрения. Например, Я. М. Гританс довольно своеобразно определяет корпоративные отношения: по его мнению, это совместное (объединенное, интегрированное, корпоративное), подчиненное одной или нескольким общим целям действие и/или действия, поведение, волеизъявление заинтересованных лиц (участников корпоративных отношений), объединенных (инкорпорированных) между собой совместными (корпоративными) связями (правоотношениями) [4]. То есть Я. М. Гританс считает, что корпоративные отношения есть действие (действия, поведение, волеизъявление участников), однако далеко не все правоведы поддержали такую нестандартную точку зрения.

Более приемлемой в данном вопросе является точка зрения В. С. Белых, который полагает, что корпоративные отношения – это система экономических отношений со сложной структурой [4]. Здесь же он условно группирует корпоративные отношения на внешние (возникающие, к примеру, между акционерами, акционерным обществом и акционерами) и внутрикорпоративные (межструктурные отношения, склады-

вающиеся между внутренними подразделениями типа цеха, и отношения, складывающиеся между участниками корпоративной организации и органами управления).

Однако здесь не все так просто, так как возникает вопрос: являются ли вышеуказанные отношения гражданско-правовыми? Ведь структурные подразделения корпораций – это не субъекты гражданского права. В таком случае можно предположить, что В. С. Белых подразумевает под структурным подразделением совокупность его элементов – работников. Еще одним предположением является то, что ученый допускает наличие особой единицы – представителя-главы, выражающего интересы структурного подразделения и таким образом участвующего в корпоративных отношениях. Так или иначе, поскольку корпорация – это многоуровневая вертикальная система соподчинения и она тесно связана с экономической сферой деятельности, данное определение вполне имеет право на существование.

Наконец, наиболее полным, с нашей точки зрения, является формулировка А. Н. Беседина, считающего, что корпоративные отношения составляют особую группу гражданских правоотношений, возникающих по поводу деятельности организаций и представляющих особую группу организационных отношений, которые могут быть классифицированы на корпоративные имущественные и корпоративные неимущественные отношения [5]. Специфику данных правовых отношений он видит в особом механизме, посредством которого формируется воля юридического лица – участника гражданско-правовых отношений, а точнее – корпорации.

Перейдем к признакам корпоративных отношений. Исходя из определения, данного нам ГК РФ, а также из специфики корпоративных отношений, можно выделить следующие их основные признаки [6]:

– это система отношений, т. е. упорядоченная совокупность взаимных прав и обязанностей между участниками правоотношений;

– это отношения, связанные с участием именно в корпорациях (корпоративных организациях), т. е. в юридических лицах, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с ГК РФ;

– признак обобщения имущества и деятельности участников – данный признак вытекает из предыдущего и предполагает высшую степень взаимодействия и сотрудничества, так как соединяет и объединение имущества, т. е. единую корпоративную собственность, и объединение деятельности;

– наличие элемента соподчиненности – так как в корпорациях обязательно присутствует

вертикаль соподчинения, то наличие данного признака попросту неоспоримо;

– наличие компромисса интересов между участниками данных правоотношений – можно даже сказать, что данная система является результатом достижения такого компромисса, ведь только в таком случае создается устойчивая система взаимоотношений, обеспечивающая стабильную работу корпорации;

– признак социальности – т. е. наличие элементов социальной организации субъектов и упорядочивания их поведения;

– признак саморегулятивности – т. е. наличие определенной алгоритмизации последовательности и порядка действий участников, а также введение конкретных внутрикорпоративных санкций за неисполнение так называемых корпоративно принятых общих решений, обязательных для всех участников корпорации;

– наконец, признак самостоятельной гражданско-правовой ответственности – данный признак больше относится к понятию корпорации, нежели к корпоративным отношениям, однако так как каждая корпорация самостоятельно несет ответственность по своим обязательствам, то немаловажную роль здесь будут играть внутрикорпоративные взаимоотношения её участников.

Рассмотрев данные признаки, из их совокупности можно вывести определение корпоративных отношений, служащее так называемым сосудом всех его специфических элементов. Итак, корпоративные отношения – это система взаимоотношений между участниками корпоративной организации, основанных на элементах соподчинения, компромисса интересов, социальности и саморегулятивности.

Наконец, заключающим, но немаловажным этапом будет анализ видов корпоративных отношений. Разные правоведы предлагают разные классификации данного вида правоотношений, и нашей задачей будет выделить из них самые основные и специфические.

Первоочередной классификацией является деление «в зависимости от целей корпорирования» – согласно ей корпоративные отношения могут быть: с целью извлечения прибыли (коммерческие корпоративные отношения / корпоративные отношения в предпринимательской деятельности); без цели извлечения прибыли (некоммерческие). В данном случае сразу вспоминается традиционная классификация юридических лиц «по основной цели деятельности», согласно которой они также делятся на коммерческие и некоммерческие [7].

П. В. Наймушин предлагает следующую классификацию – в зависимости от предмета корпорирования [8]. Согласно ей корпоративные отношения подразделяются на: финансово-экономические, имущественные корпоративные

отношения (корпорирование собственности; корпоративные отношения, базирующиеся на основе имущественных связей; владение долями в уставном капитале); нефинансовые, неимущественные корпоративные отношения (договорные, административно-директивные – представительство в высших органах управления, семейные (родственные) корпоративные отношения).

Интересными с точки зрения практического опыта в юриспруденции являются следующие классификации [9]:

– по инициативе участия в корпоративных отношениях: на добровольной основе; на принудительной основе;

– по характеру участия в корпоративных отношениях: неполное участие (существует преобладание интересов одних участников над другими участниками, т. е. участие одних субъектов корпоративных отношений ограничено по сравнению с другими); полное участие (положения участников корпоративных отношений практически равноправное – хотя на практике чисто условное);

– по форме участия в корпоративных отношениях можно выделить участие: с правом голоса (в рамках своей доли) – когда у участников корпоративных отношений есть право на участие в управлении хозяйственной деятельностью корпоративной организации; без права голоса – когда у участников корпоративных отношений

нет права на участие в управлении хозяйственной деятельностью корпоративной организации.

Однозначно то, что данный перечень классификаций не закрытый – исходя из практического опыта и изменений общественных отношений, различные правоведы каждый год предлагают самые разные разделения корпоративных отношений на виды. Поэтому важно, в первую очередь, обращаться к первоочередным, базовым классификациям, дабы иметь полновесное представление о сущности корпоративных отношений.

В заключение хотелось бы сказать, что, хотя закрепление корпоративных отношений в российском законодательстве как элемента предмета гражданского права является недавним событием, предпосылки к такому нововведению существовали в отечественном праве довольно давно. Хотя вопрос о понятии корпоративных отношений до сих пор вызывает многочисленные споры, с нашей точки зрения, сущность данного вида правоотношений достаточно четко определена, если исходить из сущности корпоративных организаций как таковых. Также спорным остается вопрос о необходимости выделения определенных классификаций видов корпоративных отношений, поскольку не все выделяемые классификации имеют юридическое значение. Однако нельзя отрицать того, что данная тема сейчас очень интересна для изучения как с практической, так и с теоретической позиций.

Список литературы

1. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 дек 2012 г. № 302-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53, ч. 1. – Ст. 7627.
2. Красавчиков О. А. Организационные гражданско-правовые отношения // Сов. государство и право. – 1966. – № 10. – С. 50–57.
3. Лифшиц Р. З. Система советского права и перспективы ее развития // Сов. государство и право. – 1982. – № 6. – С. 95–97.
4. Белых В. С. О корпорации, корпоративных отношениях и корпоративном праве // Бизнес, менеджмент и право. – 2006. – № 2. – С. 58.
5. Беседин А. Н. Корпоративные отношения в предмете гражданского права // Рос. право в интернете. – 2003. – № 3. – С. 4.
6. Гражданское право : учебник. В 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 1998. – Т. 2. – 462 с.
7. Шевчук Д. А. Гражданское право : учебник / Д. А. Шевчук. – М. : Эксмо, 2009. – 386 с.
8. Наймушин П. В. Корпоративные отношения и корпоративная культура организации / П. В. Наймушин, В. Н. Астальцев // Terra Economicus. – 2008. – № 4, т. 6. – С. 110.
9. Гражданское право : учебник. В 3 т. / под общ. ред. С. А. Степанова. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 375 с.

N. S. Chygrynskiy

4rd Year Student, Law Institute, Irkutsk State University

Corporate Relations in Civil Law of Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of determining the nature of corporate relations in civil law of Russia. Analyzes the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, a number of federal laws. The author comes to the conclusion that a specific part of corporate relations, the need for law reform in the area of corporate law.

Keywords: corporate law, corporation law, civil law.

Дискуссионный клуб Юридического института ИГУ

Около года назад в Юридическом институте Иркутского государственного университета начал свою работу дискуссионный клуб. Основоположниками его стали сами студенты, предложившие создать в нашем институте площадку, на которой можно было бы обсуждать наиболее острые проблемы современного государства и права. Инициатива нашла поддержку у администрации. И вот уже год дискуссионный клуб проводит свои мероприятия.

В рамках работы клуба проводятся тематические заседания, посвященные конкретным вопросам государства и права. На заседания приглашаются специалисты в соответствующих областях знаний, в том числе работники практической сферы, которые могут дать студентам новую и чрезвычайно полезную информацию. В ходе обсуждения участники (студенты и приглашенные гости) обмениваются мнениями, высказывают свои предложения по совершенствованию законодательства, правоприменительной практики, механизмов функционирования органов государственной власти, регулирования существующих общественных отношений.

Темы заседаний предлагают сами студенты. За прошедший год в поле зрения дискуссионного клуба оказывались проблемы реализации Послания Президента Российской Федерации палатам Федерального Собрания, доктрина внешней политики Российской Федерации, актуальные вопросы декриминализации отдельных составов уголовных преступлений, вопросы противодействия коррупции, развития законодательства о юридических лицах, правового регулирования государственной контрактной системы и мн. др.

Дискуссионный клуб также организовывал встречи с практикующими специалистами, работниками правоохранительных органов, юридических фирм, которые делились со студентами секретами профессии.

Еще одним мероприятием дискуссионного клуба стал состоявшийся весной 2016 г. конкурс ораторского мастерства. Участники клуба полагают, что навыки публичной речи неотделимы от нормальной научной и профессиональной дискуссии. В двух номинациях парламентских и судебных дебатов были определены победители, получившие диплом директора Юридического института ИГУ, а также сертификаты участника соответствующего конкурса.

Узнать актуальную информацию о работе дискуссионного клуба Юридического института ИГУ, проводимых им мероприятиях вы можете, обратившись в Студенческое научное общество либо к куратору дискуссионного клуба – кандидату юридических наук, профессору кафедры международного права и сравнительного правоведения М. Г. Тирских.